

МИТРОПОЛИТ ОМСКИЙ И ТАВРИЧЕСКИЙ ВЛАДИМИР (ИКИМ)

ІС ХС
НІКА

СЛОВА

В ДНИ ПАМЯТИ
ОСОБО ЧТИМЫХ СВЯТЫХ

**митрополит Омский и
Таврический Владимир (Иким)
Слова в дни памяти
особо чтимых святых.
Книга четвертая. Август**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43631891

*Слова в дни памяти особо чтимых святых Книга четвертая: август:
ISBN 978-5-00127-092-8*

Аннотация

Книга «Слова в дни памяти особо чтимых святых. Книга четвертая» представляет собой сборник из двадцати одной богослужебной проповеди митрополита Омского и Таврического Владимира, которые посвящены памяти отдельных святых Вселенской Церкви и Русской Церкви, соборам, а также отдельным событиям, связанным с ними (день кончины, обретения мощей, прославления и т.п.), охватывая месяц август. В этих проповедях житийные материалы совмещаются с современной духовно-нравственной проблематикой, историческими оценками и духовными уроками, преломляясь через личный многолетний опыт архипастырского служения автора. Книга предназначена для самого широкого православного читателя.

Содержание

От редакции	4
Слово на день прославления преподобного Серафима Саровского	8
Слово на Собор Курских святых	32
Слово в день памяти святого пророка Илии	55
Слово на Собор Смоленских святых	73
Конец ознакомительного фрагмента.	86

**Митрополит
Владимир (Иким)
Слова в дни памяти
особо чтимых святых
Книга четвертая: август**

От редакции

Издательство «Сибирская Благовонница» продолжает публикацию цикла богослужебных проповедей митрополита Омского и Таврического Владимира (Икима). Новая его часть называется «Слова в дни памяти особо чтимых святых». Эти Слова являются своего рода логичным продолжением серий «Вечное сокровище», «Врата покаяния» и «Сияние Пасхи», где толковались литургические Евангельские и Апостольские чтения на весь богослужебный год.

Традиционно многие церковные проповедники наряду с толкованием чтений из Священного Писания посвящали свои проповеди изложению житий святых угодников Божиих. Ибо, как писал преподобный Иоанн Дамаскин, «невозможно не праздновать памяти святых». Всей своей книгой

митрополит Владимир побуждает нас интересоваться и изучать жизнь святых угодников Божиих. В чем же их необычность и особенность? По словам митрополита Владимира, «святые Божии обладают чистейшим сердцем и чистейшим разумом: именно из этого проистекает свойственный им дар прозрения. Внутренним взором святые видят других людей не такими, какими те хотят казаться, а каковы они есть: как по открытой книге, читают их мысли, прозревают их души до глубины. Радостно угоднику Божию созерцать сокровенный свет души ближнего, но тем более видеть ему и темные пятна, омрачающие возлюбленный образ Божий» (с. 614).

И в этом их харизматическая ценность и помощь для человека: «Благодаря чистоте сердца и разума святые Господни являются лучшими знатоками человеческой психологии и наилучшими наставниками человеческой жизни: указателями путей к бессмертному счастью в Царстве Отца Небесного. В большинстве случаев святые отцы обладают и тонким чувством красоты слова, ибо созерцают красоту Божественную, отражающуюся во всем лучшем, что есть во временном мире. Святоотеческие творения и духовная литература в целом не только неизмеримо превосходят по возвышенности и глубине мысли мирскую философию и литературу, но зачастую не уступают и даже превосходят их в формальном воплощении: стилистике, образности и прочих эстетических красотах, хотя красота формы для духовного слова и не является самоцелью. В России художествен-

ным совершенством отличались произведения преподобного Нестора Летописца, святителей Феофана Затворника и Игнатия (Брянчанинова), архиепископа Херсонского Иннокентия и иных многих. Известно, как гениальный А. С. Пушкин преклонился перед внезапной вспышкой поэтического таланта митрополита Московского Филарета. Однако в обществе имена духовных писателей отнюдь не овеяны столь громкой славой, как имена мирских литераторов, и духовные произведения отнюдь не имеют столь массового распространения, как мирская изящная словесность. Причина тому – человеческая леность и нежелание искать себе истинного блага. Духовная литература не только доставляет эстетическое наслаждение, чтение ее – это еще и очень нелегкий труд: постижение Божественных истин требует напряженного внимания, при этом пробуждается совесть, зовущая грешника отказаться от пагубных услад, а для падшей души это весьма болезненно. Известен афоризм: поэзия – путь покаяния, религия – путь спасения» (с. 616–617).

И этот путь спасения заключается для нас, по словам автора, в подражании святым угодникам Божиим: «Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! Лучший способ почитания святых – подражать их жизни и следовать их наставлениям, по слову апостола Павла: *подражайте мне, как я Христу* (1 Кор. 4, 16). Многому и мы можем научиться [у них:] и упорному труду, и терпеливому преодолению трудностей, и смирению, и самоотверженной готовности пожертвовать всем

ради Господа и ближних... Но главное – искренней, горячей вере в Бога, упованию на Него, любви к Нему и стремлению всегда и во всем, при любых обстоятельствах следовать Его заповедям. Без этих веры, упования и любви все перечисленное выше не имело бы никакого смысла – да и попросту было бы невозможно. Будем же стараться уподобиться во всем этом преподобным отцам нашим» (с. 578).

Это подражание сопряжено с почитанием нами и самих святых при служении только истинному Богу: «Хорошо нам служить святым угодникам Божиим молебны, хорошо строить храмы в их честь – но еще лучше стараться по мере сил подражать их жизни. Не только и не столько внешним подвигам – ведь и сами святые считали эти подвиги лишь одним из инструментов, но никак не целью – сколько их духовному содержанию. Будем стараться так же любить Бога и людей, так же стремиться к Небесному Отцу, так же являть окружающим образ Христов» (с. 676), как делали это они.

Итак, о жизни святых автор говорит просто, но ярко и убедительно. Книга поможет осмысленно участвовать в богослужebной молитве избранному святому. Полезной окажется данная книга и для священников при составлении проповеди, и в целом, как надеется редакция, найдет своего самого широкого благодарного читателя.

Слово на день прославления преподобного Серафима Саровского (19 июля / 1 августа)

*Ходите ко мне на гробик. Все, что ни есть у вас на душе, – припадите ко мне на гробик, да и расскажите. И услышу вас, и скорбь ваша пройдет!
Преподобный Серафим Саровский*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе братья и сестры!

В страшном 1923 году по всей России началось поругание православных святынь. Видя это, архиепископ Тамбовский Зиновий задумал спасти величайшее сокровище своей епархии – тайно вывезти на Кавказ честные останки преподобного старца Серафима. Однако замыслу архиепископа воспротивился «гробный» иеромонах Маркеллин, сказавший: «Стоя столько лет у святых мощей, я столько видел от

них чудес, что уверен – преподобный и сейчас сам не дастся».

Можно понять убежденность «гробного» инока, множество раз бывшего очевидцем того, как подле чудотворных останков преподобного Серафима Саровского (1754–1833) прозревали слепые, распрямлялись горбатые, начинали ходить параличные. А как часто «гробным» служителям приходилось счищать дорожный песок и глину с «туфелек-сандалий», в которые были обуты святые мощи: преподобный Серафим и после кончины обходил дозором обители Сарова и Дивеева. Однако в том безумном году ожидания нового чуда не оправдались. Воинствующие безбожники беспрепятственно похитили честные останки всероссийского молитвенника. Кошунники заметали следы: от Сарова в четыре разные стороны разлетались тройки с пьяными седоками, и одна из них увозила синий ящик с «косточками» преподобного Серафима. Последним эхом преступления был набатный звон, грянувший с колокольни села Кременки, когда мимо проезжали похитители святых мощей. После того – никаких сведений. Казалось, святыня утрачена безвозвратно...

Великий печальник земли Русской прозорливый старец Серафим знал об ужасах, ожидавших наше Отечество. Однажды преподобный Серафим взмолился ко Господу, прося лишить его Царствия Небесного, но отвести от России грядущие бедствия. Правосудный Бог не внял этому прошению угодника Своего: к тому времени нечестие пустило уже

слишком глубокие корни в русском народе. И вот, когда настала лютая година, когда богоборцы повлекли на распятие Русь Православную, когда вновь стали распинать Христа, но уже не Его Самого лично, так как Он воскрес и восседает одесную Бога Отца, но Его духовное Тело – Его Святую Церковь, тогда и преподобный Серафим предал им на поругание и честные останки свои.

В 1991 году чудотворные останки Серафима Саровского вновь явились православному русскому народу.

«Среди лета запоют Пасху» – так пророчествовал о будущих своих торжествах преподобный Серафим Саровский. Уже дважды сбывалось это предсказание, дважды Православная Русь, прославляя Всероссийского молитвенника, летней порою оглашала звуками пасхальных песнопений места земных его подвигов. Впервые это произошло на заре нынешнего века.

Такого поистине всенародного христианского праздника, в который вылилось прославление преподобного Серафима Саровского в 1903 году, не было в России на протяжении двух столетий, со времен Петра I. Теперь же во главе со святым и благоверным монархом, будущим страстотерпцем Николаем II пришли поклониться Саровскому чудотворцу сотни тысяч русских людей, тех, в ком не угасла святая вера. Словно бы ожило древнее святорусское благочестие, всех русских людей, от генерала до нищего бродяги, объединило чувство любви к небесному предстателю Руси преподобному

Серафиму.

Но знали ли эти ликующие толпы, какие чудовищные бедствия ждут их в недалеком будущем? Знал ли, например, совершавший тогда праздничную Литургию архимандрит Андрей (князь Ухтомский) (1872–1937), что через двадцать лет он станет преследуемым богоборцами епископом, возглавит в Средней Азии борьбу с обновленческой ересью, а затем будет отправлен на лагерную каторгу и затем будет расстрелян в страшном 1937 году? Знал ли святой царь Николай II об ожидающей его и всю его Семью мученической кончине от рук большевистских палачей в 1918 году? По преданию, во дни Саровских торжеств царь получил запечатанный конверт – письмо преподобного Серафима, дошедшее до него через десятилетия, – и, прочитав, безутешно плакал. Никто, кроме Государя, не знал, что было в послании старца, но ныне мы можем догадаться об этом. Лучше всех знал о мрачном будущем Отечества сам преподобный Серафим Саровский, предвещавший: «О, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху! Но эта радость на самое короткое время, далее будет такая скорбь, какой от начала мира не было». Преподобный Серафим говорил о своей канонизации и последующих страшных годах революционного лихолетия.

Впоследствии, когда, по пророчеству старца, уже «лились реки русской крови», в народе стали говорить, что дни прославления преподобного Серафима были словно «прощанием Бога с Русской землей». Да, народ-отступник, по-видимо-

му, как будто был оставлен Правосудным Господом в годину революционного безумия и долгие десятки лет пребывал под гнетом безбожного режима. Но это только лишь для внешнего взора. Конечно же, Бог не оставляет Своим Промыслом Своего творения и заботится о его спасении. Того же желают и о том же молятся Ему Его святые, предстоящие Ему на небесах. О том же молились в советских лагерях, тюрьмах, изгнаниях и саровские монахи и дивеевские монахини. И вот в конце концов вернулся к нам преподобный Серафим, вновь явлены народу святые мощи Всероссийского молитвенника, снова запели русские люди среди лета пасхальные песнопения. Однако от нас самих во многом зависит чтобы Дивеевские торжества 1991 года были новой встречей России с Милосердным Господом.

Да, вновь печальник земли Русской преподобный Серафим Саровский обращается к заблудшему своему народу с призывом вернуться на путь правды Божией. Вновь пролился на нас поток чудес от святых мощей великого старца, снова обращены к нам благодатные слова его наставлений, благодатные уроки его жития. И судьбы Отечества нашего зависят от того, сумеем ли мы расслышать и понять небесный призыв.

«Сей – от рода Нашего», – сказала Пречистая Матерь Божия о преподобном Серафиме. С раннего детства его сопровождали знамения Господни, свидетельствующие о его избранности. Семилетним ребенком Прохор Мошнин (так

звался будущий подвижник в миру) упал с высокой колокольни, но Бог сохранил его невредимым. Еще через три года мальчик тяжело заболел, врачи предвещали ему смерть, но Царица Небесная, явившись Прохору во сне, обетовала исцеление. Осенняя слякоть заставила крестный ход с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы пройти через двор Мошниных, мать Прохора выбежала навстречу с умирающим сыном на руках, он приложился к иконе – и стал здоров. И с детских лет взращивал в себе Прохор святое боголюбие, каждый день спешил во храм Божий, углублялся в молитву, читал и перечитывал Священное Писание. Все яснее становилось, что чистое сердце и возвышенный разум юноши ведут его не к мирской суете, а в тишину иноческой обители.

Девятнадцати лет Прохор стал послушником Саровского монастыря и сразу же изумил братию ревностью в подвигах поста и молитвы.

Спал он по два-три часа в сутки и жалел, что не в состоянии, подобно бесплотным Ангелам, каждый свой миг посвящать служению Богу. Однако это не было ревностью не по разуму, свойственной новоначальным и часто увлекающей их в прелесть гордыни. Молодой послушник ничего не делал без благословения духовных отцов, старцев обители.

Проходя монастырские послушания, Прохор старался стать слугою всем; его приветливость, искренняя любовь и уважение к братии оградили юного подвижника от зависти и нареканий. Из всех работ, на которые назначал его насто-

атель, ему лучше всего давалось столярное мастерство, братья прозвали его Прохор-столяр. Все окружавшее его молодой подвижник старался сделать предметом благочестивых размышлений. Столярничая, он помнил, что подобным ремеслом некогда занимался Сам смиренный Христос Спаситель в доме мнимого Своего отца Иосифа Обручника. Плотничье и столярное мастерство были любимым рукоделием преподобного Сергия Радонежского (1314–1392) – его Прохор особо чтит, его житие считал для себя недостижимым образцом. Смиренный юноша медленно возрастал от силы в силу, не ведая, что милостью Божией сумеет достичь подобной же славы. В сонме русских святых эти два духовных богатыря стоят рядом – преподобный Сергий и преподобный Серафим, Всероссийский игумен и Всероссийский молитвенник.

Через девять лет монастырского послушания Прохор был пострижен в иночество с именем Серафим – так зовутся чистейшие духи света, пламенеющие Боголюбием. И не одно имя, но и священную сущность пламенного Ангела воспринял Саровский подвижник; ныне Церковь воспевает ему: «Ангел на земли и во плоти Серафим».

Вскоре после принятия иноческого образа преподобный Серафим был рукоположен в сан диакона. Во время служения за Литургией Великого Четвертка он удостоился необычайного видения – его взору предстал Сам Искупитель Христос, шествующий по воздуху в сопровождении Ангельских

Сил. Иисус Сладчайший благословил молящихся, а затем вошел в Свой образ в иконостасе храма. Об этом видении преподобный Серафим говорит: «Сердце мое возрадовалось тогда... в сладости любви ко Господу», – и в нем созрело решение еще теснее соединиться с Богом.

По благословению старцев преподобный Серафим выстроил для себя отдельную келью – деревянную избушку в лесной глуши, на берегу реки Саровки. Там, стремясь к совершенству, проводил он жестокое житие в посте, трудах и непрестанной молитве. Питался он сначала только черствым хлебом, которым запасался на всю неделю, приходя по воскресеньям в обитель ради причащения Святых Таин Христовых. Часть от скудной своей трапезы преподобный Серафим уделял диким зверям; среди них был огромный медведь. Подвижник кормил своего мохнатого друга из рук, а иногда позволял это делать и навещавшим его братьям. Дикие звери ластились к святому отшельнику, как некогда к Адаму, когда между людьми и животными еще не пролегла пропасть человеческого грехопадения.

Вскоре подвижник отказался и от редких посещений братьев, он взял благословение на полное уединение, – и в ту же ночь в знамение воли Божией тропку к его келье завалили деревья, сделав ее непроходимой. Преподобный Серафим перестал брать в монастыре хлеб, пищей ему служили овощи, выращиваемые им на огороде. Два года он питался только травой снытью. Тело свое летом он не оберегал от кома-

ров, зимой – от мороза. Тогда же преподобный Серафим совершил подвиг столпничества – тысячу дней и ночей стоял он на коленях на гранитном камне с воздетыми к небу руками, повторяя молитву мытаря: *Боже, милостив буди мне, грешному* (Лк. 18, 13). Так в суровых подвигах выковывал Саровский подвижник свою душу – на благо всему русскому православному народу.

Человеконенавистник диавол со злобой смотрел на подвиги угодника Божия и сумел возбудить против него злобу человеческую. Крестьянам соседнего села сатана внушил безумную мысль, будто преподобный Серафим прячет в своей келье несметные сокровища. Грабители явились к отшельнику, когда он рубил дерево в лесу, и потребовали денег. Услышав, что никаких денег у преподобного нет, обезумевшие корыстолюбцы набросились на него. В то время преподобный Серафим еще отличался необычайной физической силой, в руках у него был топор, он мог легко отбиться. Но он вспомнил слова Спасителя: *все, взявшие меч, мечом погибнут* (Мф. 26, 52), – оставил топор, сложил руки крестом на груди и сказал разбойникам: «Делайте, что вам надобно». Били его свирепо, желая забить до смерти, обухом топора проломили голову, а потом топтали упавшего ногами. Грабители вломались в келью святого, однако не нашли там никаких сокровищ, кроме иконы и нескольких картофелин. Тогда, осознав ужас своего злодеяния, они убежали.

Господь не допустил смерти Своего угодника от рук

убийц. Преподобный Серафим очнулся, и первым его делом была благодарственная молитва Всевышнему, сподобившему его пострадать без вины. Затем святой подвижник помолился о прощении греха своим истязателям и потихоньку побрел в обитель. Он пришел туда на следующее утро, видом своим напугав братию: голова его была покрыта запекшейся кровью и прилипшей к ней грязью, зубы выбиты, одежда превратилась в лохмотья, сквозь которые виднелось израненное тело.

Врачи, срочно приглашенные настоятелем в обитель, удивились тому, что изувеченный монах еще жив: у него была проломлена голова, сломаны все ребра, оттоптана грудь, он был покрыт множеством ран, каждая из которых смертельна. Пока медики совещались, преподобный Серафим заснул, и во сне явилась ему Пресвятая Богородица, сказавшая в сторону врачей: «Что вы трудитесь?» – и благоволившая повторить уже слышанное им о нем самом: «Сей – от рода Нашего». Милостью Царицы Небесной преподобный Серафим оправился от смертельных ран. Вскоре поймали изувечивших его грабителей, но святой подвижник настоял на том, чтобы их простили и отпустили с миром.

Народное поклонение преподобному Серафиму в России началось задолго до официального прославления его в 1903 году. Однако в домах благочестивых людей прошлого столетия хранился не тот образ Саровского подвижника, к которому мы привыкли, – седовласый сгорбленный старец, опира-

ющийся на палочку, – а совсем другое изображение. Это были копии портрета работы художника Серебрякова, сделанного еще до случая с грабителями. На портрете был изображен рослый черноволосый богатырь-инок, крепкий не только духом, но и телом. Согбенным убогим старцем преподобный Серафим стал после того, как изувечили его людское корыстолюбие и злоба.

Смиренный Саровский подвижник молитвенно понес на себе грех народа: как молился он некогда за соблазненных дьяволом крестьян-грабителей, так перед Престолом Всевышнего возносил преподобный Серафим молитвы за русских людей, обманутых богоборческими посулами рая на земле, грабивших и крушивших святые храмы и монастыри. Так же и ныне пламенно взывает Всероссийский молитвенник ко Вседержителю, прося помиловать нас с вами, коснеющих в греховном безумии. И нам надо знать, что это наше нечестие словно тяжким грузом огорчает душу молящегося за нас преподобного Серафима Саровского, с любовью взирающего на нас, недостойных, со святых икон и с высот Горнего Царства.

Большая часть жития преподобного Серафима прошла в подвигах уединенных, в самоочищении и молитвенном общении с Всевышним, в постижении собственной души и воли Господней о себе. «Если себя не понимаешь, то можешь ли рассуждать о чем-либо и других учить?» – говорил великий старец. Целых сорок семь лет, почти полвека, провел

преподобный Серафим в сокровенном иноческом делании: послушании, молчаливности, столпничестве, затворе, молитвенных воздыханиях, – прежде чем душа его обрела равноангельскую чистоту. И только тогда по велению Пречистой Матери Божией вышел Саровский подвижник на великое служение людям – соделался старцем-духовником, прибежищем и утешением всего русского православного народа.

За великие подвиги благочестия Господь наделил преподобного Серафима великими духовными дарованиями, и он смог принять на себя труднейший подвиг любви христианской, ответственность за души ближних и дальних, как поется в Акафисте этому святому: «Старцу сушу в затворе Небесе и земли Царица явися, повелевающи, да открит затвор свой и да не возбранит людем православным внити к себе, но да всех пети научит Христу Богу: Аллилуиа».

До того ни одному человеку не было доступа в убежище Саровского затворника, а вступив на путь старческого служения, преподобный Серафим настежь растворил двери своей кельи и своего сердца для всех людей. Молва о великом наставнике, утешителе и чудотворце разнеслась по всей России, число его посетителей за один день достигало тысячи человек. Христианское служение людям преподобный Серафим сравнивал с материнскими заботами: «Чадолубивая мать не в свое угождение живет, но в угождение детей. Немощи немощных чад сносит с любовью, нечистоту падших очищает, омывает тихо-мирно, облачает в ризы белые и

новые». Таковым же явился подвиг самого Саровского старца, кроткого освободителя душ и тел немощных людей от греховной нечистоты.

За многие годы уединенного отшельнического собеседования с Господом преподобный Серафим воспламенился Божественной любовью к людям. Каждого приходящего к нему святой старец встречал словами: «Радость моя, Христос воскрес!»), целовал им руки, кланялся в ноги, прозревая в любом грешнике живую икону, сокровенный образ Божий. Будучи истинным ангелом во плоти, он учил христиан духовной бодрости и священной радости о Господе: «Нет нам дороги унывать! Господь Адама воскресил! Смерть умертвил!»

Однако излучающий любовь старец становился строг и даже суров, когда дело касалось святыни Православия. Одному из суемудров, искавших «истину» вне Церкви, духовноносный подвижник отвечал: «Оставь свои бредни! Жизнь наша есть море. Святая Православная Церковь – наш Корабль, а Кормчий – Сам Спаситель. Если и на таком Корабле и с таким Кормчим люди не все спасаются от потопления, то куда же ты стремишься со своим ботиком?» Другого «искателя» увещевал: «Не нужно внимать хульным мыслям, за которые ждет вечная казнь». И ко всем сынам и дочерям православного народа обращен завет Всероссийского молитвенника: «Не води дружбы и не имей союза с врагами Христовой Церкви, то есть с еретиками и раскольниками».

Однажды братья Саровской обители были поражены

неожиданным поступком любвеобильного старца. Преподобный Серафим отказал в благословении блестящему офицеру – князю Сергею Волконскому, резко сказав ему: «Гряди, откуда пришел». Позже преподобный старец отвел недоумевающих иноков к ископанному им колодцу, дотоле чистейшему, вода которого вдруг сделалась мутной и грязной, и пояснил: «Так и этот человек намеревается возмутить Россию». Князь Волконский был участником декабристского заговора.

Великий угодник Божий преподобный Серафим прозревал судьбы России вплоть до последних времен недолгого торжества антихриста, знал и о грядущем революционном безумии. Декабристы являлись опаснейшими сеятелями мятежа, недаром их «заслуги» так высоко оценил Ленин, видевший в них «пробудителей революционной агитации». Преподобный Серафим Саровский говорил, что революционеры – это антихристиане, которые приведут к разрушению христианства на земле и отчасти Православия, что закончится в итоге воцарением антихриста.

Уже сбылось одно из грозных пророчеств Духоносного Саровского старца: «До рождения антихриста произойдет страшная революция в России, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее. Произойдет гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей, осквернение церковей Господних, уничтожение и разграбле-

ние богатства добрых людей, реки крови русской прольются». Это было сказано еще в начале позапрошлого века. Преподобный Серафим говорил и еще о более страшных антихристовых временах полной богооставленности, то есть по сути полного оставления и забвения Бога миром, стремящимся к гибели, которую «испытают на себе и последние христиане, но только лишь на самое краткое время, по миновании коего не уедлит вслед явиться Господь во Славе Своей».

Ныне мы видим почти повсеместное торжество порока, умножение самых отвратительных грехов, омертвление веры среди большей части человечества. За тлетворными веяниями современности люди духовно чуткие ощущают приближение Страшного Суда Божия. Но великим утешением служит нам предвещание духоносного Саровского старца: «Не до конца прогневается Господь и не попустит до конца разрушиться земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского».

Серафим Саровский казался человеком простым, некнижным, ничего не писал, его наставления дошли до нас лишь в пересказе духовных детей старца. И однако же Русская Церковь не знает богослова, равного преподобному Серафиму: именно им преподано русскому православному народу учение о цели жизни христианской – стяжании Духа Святого. Это высочайшее знание, с тою же полнотой осве-

ценное лишь в творениях древнехристианского подвижника, преподобного Макария Великого (300–391), и других святых подвижников древности, святой Саровский старец изъяснял простыми словами, доступными пониманию каждого.

Как по-домашнему, тепло и задушевно, повествует преподобный Серафим об истине, превышающей всякую земную философию: «Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Не тот хорош купец, который много накопит да распродаст как попало, но тот есть самый лучший купец, который купил вовремя и дешево, а продал дорого и составил через это капитал. Но так же надобно рассуждать о богатстве вечном. Дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, но в извлечении из них большей выгоды, то есть в приобретении Духа Святого Божия».

Некоторым «идеалистам» могут показаться как будто «низкими» и не подходящими для столь высокой тематики слова, которые употребляет духоносный старец: «барыш», «богатство», «выгода». Но мы знаем, как подобные мечтатели, не скопившие духовного богатства, чуждые Духа Святого, остававшиеся в плену страстей и заблуждений, бросались «служить человечеству» – и сколько бедствий государствам и народам принесло их «бескорыстное служение»! А преподобный Серафим призывает прежде всего спастись

собственную душу, стремиться к приобщению Божественной благодати, и этот кажущийся «эгоизм» на деле является единственным путем к истинному служению людям, на которое способен только богопросвещенный человек. Духоносный старец Саровский желающих потрудиться на ниве Божией призывает: «Радость моя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи спасутся около тебя».

Но не нужно думать, что преподобный Серафим, говоря так, уподобляется римо-католикам с их «бухгалтерским учетом добрых дел», «сокровищницей заслуг святых» и практикой индульгенций. Да, усердно «трудятся» римо-католики и протестантские секты с их навязчивым миссионерством и показной благотворительностью. Еще недавно, в девяностые годы, еретики ринулись в наше Отечество и совращали многих, но мы знаем, какая духовная *мерзость запустения* царит в их собственных богатых странах, и понимаем, что их внешнее «добро» несет с собой вольно или невольно зло заблуждений или коварных лжеучений. Преподобный Серафим предупреждал: «Вражеская воля научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа – а лишь такое (ради Христа) доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает».

Учение преподобного Серафима о стяжании Духа Свято-

го оберегает православных людей от пустого обрядоверия, от фарисейской гордыни внешнего благочестия, от суеты фальшивого миссионерства – от тех ловушек, которые расставляет диавол на пути ищущих правды Божией.

Для самого же святого Саровского подвижника стяжание «духа мирного» было не умозрительной теорией, а живым опытом. Великими трудами над собой преподобный Серафим достиг той чистоты сердца, при которой человек еще на земле может удостоиться вселения в него Бога, соделаться обителью Духа Божия.

По молитве своего великого наставника «служка преподобного Серафима» Н. А. Мотовилов однажды сподобился узреть его светоносный облик, и вот что он свидетельствует: «Я взглянул в лицо его, и напал на меня благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его лучей, лицо человека. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, озаряющий и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого старца».

Десятилетиями подвизался преподобный Серафим в трудах над своей душой, пока не стяжал Духа Святого. Совершивший подвиги благочестия, кажущиеся невозможными

для человека, богомудрый Саровский старец предостерегает духовных детей своих от неразумной торопливости, дает простые и посильные каждому заветы: «Иди средним путем, выше сил не берись – упадешь, и враг посмеется тебе. Вот что делай: укоряют – не укоряй; гонят – терпи; хулят – хвали; осуждай сам себя – так Бог не осудит; покоряй свою волю воле Господней; никогда не лъсти; познавай в себе добро и зло – блажен человек, который знает это; люби ближнего твоего» – и довершает поучения прибауткой: «Все делай потихоньку-полегоньку, а не вдруг: добродетель не груша – ее вдруг не съесть».

За полвека упорного возрастания *потихоньку-полегоньку* из силы в силу преподобный Серафим сподобился от Господа благодатных дарований чудотворения. По молитве его исцелялись неизлечимые больные, он подробно отвечал на письма духовных детей своих, не распечатывая их, его видели молящимся в воздухе. А сам смиренный старец называл себя убогим Серафимом и говаривал: «Как железо ковачу, так я предал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Двенадцать раз за время земного его жития преподобному Серафиму являлась Пресвятая Богородица. Во время последнего Своего явления, за год до его кончины, Царица Небесная сказала: «Скоро, любимец Мой, будешь с Нами».

Пламенный по имени и духу своему, преподобный Сера-

фим горел ко Господу молитвой за несметное множество духовных своих детей. Этот пламень был и внешним спутником жития святого старца. Его «служка» Н. А. Мотовилов рассказывает: «В келии старца я видел множество лампад и зажженных свеч пред образами на круглых подносах, на коих от многолетнего капавшего со свеч воска образовались как бы холмы восковые. Такое огромное количество свеч и лампад, так что от теплоты огненной у него нестерпимый жар в келии был». Эти огни преподобный Серафим теплил пред Господом за всех, кто просил его молитв. Вся келья святого старца была заполнена связками свечей, так что оставался лишь узенький проход к образам. Ему говорили, что в любой миг келья может загореться от такого обилия «огнеопасных предметов», но преподобный Серафим ответствовал: «Пока я жив, пожара не будет, а кончина моя откроется пожаром». Так и сбылось.

Незадолго до своего ухода в иной мир святой старец сказал радостно: «Телом я почти уже мертвый, а душою будто только что родился!»

Прекрасна была кончина Саровского праведника. На воскресной Литургии он причастился Святых Христовых Таин, благословил и поцеловал всех братьев-иноков, сказав им: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, ныне всем нам венцы готовятся». Потом пошел на место будущей своей могилы, в долгом раздумье смотрел на землю. Вечером иноки слышали, как святой старец пел в своей келье пасхальные

песнопения, славил Христа Воскресшего. А наутро увидели, что из двери кельи тянется дымок. Потушив чуть тлевший огонь, братия узрели преподобного Серафима стоящим на коленях перед образом Богородицы «Умиление». Думали, что старец уснул, хотели его разбудить – но чистая душа его уже отлетела к Небесному Отцу.

Новое огненное чудо преподобный Серафим совершил вскоре после своего преставления ко Господу. Явившись во сне Н. А. Мотовилову, Саровский чудотворец посоветовал врачевать болящих водою с камня, на котором он совершал подвиг столпничества. Однако от этого гранитного монолита не удалось отбить ни кусочка. Тогда любвеобильный угодник Божий вновь явился своему «службе» и повелел развести на камне костер. После этого огромный камень распался на мелкие части, разошедшиеся по всей России и ставшие источниками чудесных исцелений.

В 1903 году, в дни прославления преподобного Серафима Саровского, от святых его мощей проистекло неисчислимое множество благодатных исцелений. Записаны свидетельства о происходившем тогда в Сарове: бросает костыли крестьянин с разбитыми упавшим деревом коленными чашечками; с глаз крестьянки, лишившейся зрения за двадцать лет до того, как чешуя, спадает слепота; ребенок, все кости которого искривлены, вдруг распрямляется, кричит: «Я хочу бежать!» – и бежит; исцеляется эпилептик; еще один ребенок, глухонемой от рождения, начинает говорить; исчезает злока-

чественная опухоль желудка... исцеляется застарелое кровотечение... – подобных записей множество. То было истинное торжество веры Православной. Всему русскому народу Господь являл могущество угодника Своего, молитвенника Всероссийского. Казалось бы, столь щедро обласканная Небесным Отцом, Россия должна неколебимо на века утвердиться в святой вере... Увы! Всего через тринадцать лет народ-отступник понесся в бесовской пляске под звуки дикой песни: «Вставай, проклятьем заклеянный...»

Второе обретение святых мощей преподобного Серафима, свершившееся в 1991 году, также сопровождалось множеством чудесных исцелений: врачевались и телесные, и душевные болезни, возвращался здравый рассудок бесноватым. Думается, это знамение от Всероссийского молитвенника указывает на главный недуг нынешней России. Да, в наше Отечество особенно в девяностые годы и поныне вторглись полчища духов злобы, порабащившие себе русских людей: бесы разврата и наживы, демоны колдовства и ворожбы, змеи ересей и языческих культов, аспиды раздора и ненависти. И об исцелении России от беснования ныне молится перед Престолом Всевышнего преподобный старец Серафим Саровский. Но не врачует Господь тех, кто сам не хочет исцеления, и не поможет нам могучее предстательство Всероссийского молитвенника, если сами мы не последуем его завету: «На отгоняющих нас от Духа Святого врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется».

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Мы с вами все строим какие-то планы, что-то рассчитываем слабым своим умом, надеемся на жалкие свои силы, а потом печалимся и отчаиваемся, когда рушится наше благополучие. И не слышим мы ласкового увещевания небесного покровителя нашего, преподобного Серафима: «Беда-то вся наша в том, что мы не ищем разума Божественного, который не гордится, ибо не от мира сего есть».

При всем великолепии Саровских торжеств начала прошлого века в тогдашних знамениях сквозила тревога: когда вскрывали могилу преподобного Серафима, крестьяне окрестных селений видели зарево над Саровом и в ужасе думали, что там полыхает опустошительный пожар. Чудеса празднества в Дивееве в 1993 году вселяют надежду: когда явились сюда вновь обретенные честные мощи Всероссийского молитвенника, радостно заиграло спокойное до того солнце, а потом народ увидел чудесный радужный ореол над крестом Троицкого собора.

Вновь русский православный народ *среди лета запел Пасху*, торжествуя встречу с великим служителем Христа Воскресшего, преподобным Серафимом Саровским. Да не замутится и в нас с вами эта чистая радость греховной нашей нечистотой, дабы могли сбыться надежды на духовное воскресение Отечества нашего. И в этом чаянии воззовем к преподобному старцу Серафиму, неугасимому светочу земли Русской:

«На тя бо упование ныне возлагаем, отче благосердый: буди нам воистину ко спасению путевождь и приведи нас к невечернему свету жизни Вечныя богоприятным представтельством твоим у Престола Пресвятыя Троицы», Которой подобает всякая слава, честь и поклонение всегда, ныне и присно и во веки веков.

Аминь.

Слово на Собор Курских святых (19 июля / 1 августа)

*От юности Христа возлюбил еси блаженне,
и Тому единому работати пламенне возделев,
непрестанною молитвою и трудом в пустыни
подвизался еси, умиленным же сердцем любовь
Христову стяжав, избранник возлюблен Божия
Матере явился еси. Сего ради вопием ти: спасай нас
молитвами твоими, Серафиме, преподобне отче
наш.*

*Тропарь преподобному Серафиму
Саровскому*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня Святая Православная Церковь восхваляет Собор Курских святых, то есть празднует память всех святых, просиявших своими подвигами во имя Христово в старинном русском городе Курске или так или иначе связанных с ним. Праздник этот был установлен Церковью совсем недавно – в 2003 году, но включенные в Собор святые угодники уже

давно почитаются всеми православными христианами мира.

Собор Курских святых – это *святитель* Иоасаф (Горленко), епископ Белгородский († 1754); *преподобные* Феодосий Печерский († 1074), Серафим Саровский († 1833), Макарий Оптинский († 1860), Иоанн (Крюков), затворник Святогорский († 1867), Исаакий (Антимонов) Оптинский († 1894), Илия Верхотурский († 1900); *мученики и исповедники* Никодим (Кононов), епископ Белгородский († 1919), Иувеналий (Масловский), архиепископ Рязанский († 1937), Александр (Шукин), архиепископ Семипалатинский († 1937), Дамиан (Воскресенский), архиепископ Курский († 1937), Павлин (Крошечкин), архиепископ Могилевский († 1937), Иоасаф (Жевахов), епископ Могилевский († 1937), Иоанн (Пашин), епископ Рыльский († 1938), Антоний (Панкеев), епископ Белгородский, Митрофан (Вильгельмский), Александр (Ерошов), Михаил (Дейнека), Матфей (Вознесенский), Ипполит (Красновский), Николай (Садовский), Василий (Иванов), Николай (Кулаков), Максим (Богданов), Александр (Саульский), Павел (Брянцев), Павел (Попов), Михаил (Вознесенский), Георгий (Григорий Богоявленский) († 1938), Онуфрий (Гагалюк), архиепископ Курский († 1938), Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Симферопольский († 1961). Все они, независимо от времени и обстоятельств жизни, дают нам замечательные примеры подлинного пребывания со Христом и во Христе – а также и верности избранному ими пути, несмотря ни на какие, даже

самые страшные трудности и испытания, ни на какое противодействие со стороны окружавшего их общества и подчас даже собственной семьи.

С подобным противодействием пришлось столкнуться, например, преподобному Феодосию Печерскому (1029–1074), одному из родоначальников русского монашества. Услышав имя преподобного Феодосия, все обычно вспоминают о нем как о великом православном подвижнике и одном из основателей знаменитой Киево-Печерской обители; но мало кто помнит, что свой выбор монашеского пути этому праведнику, чье детство и юность прошли в Курске, пришлось отстаивать долго и упорно.

Будущий подвижник был старшим сыном княжеского тиуна (судьи), человека знатного и обеспеченного. Отца он лишился в совсем юном возрасте (Феодосию не было еще и тринадцати), и оставшаяся одинокой мать, как это часто бывает в подобных случаях, всю свою привязанность перенесла на детей. Родительская любовь – вещь сама по себе естественная и прекрасная; но, увы, как и все в этом падшем мире, она также бывает подвержена человеческим страстям и нередко впадает в крайности. Все мы знаем примеры, когда родители, злоупотребляя родительской властью и требованием почтения к себе со стороны детей, пытаются полностью контролировать своих чад, даже совсем взрослых, диктовать им собственные решения относительно их жизни, не считаясь с их стремлениями, наклонностями и желаниями и

забывая о том, что дети – не роботы и не марионетки, а такие же, как и сами родители, люди со свободной волей, дарованной им Самим Господом...

Так и мать Феодосия яростно воспротивилась решению сына принять монашество – хотя юноша стремился к этому пути с детских лет и все его склонности явно указывали на то, что ему уготована Господом монашеская стезя. Но мать была уверена, что лучше знает, что именно нужно ее ребенку, – и, чтобы заставить сына отказаться от своей мечты, не останавливалась ни перед чем, даже перед жестокими побоями... Удивительно, но Феодосий при этом вовсе не озлобился на мать – ведь в его душе жила та искренняя христианская любовь, которая и подобает желающему стать монахом: любовь прощающая и жертвенная, но в то же время не переходящая в человекоугодие. Несмотря на все усилия матери, Феодосий не отказался от своего намерения; дождавшись, пока вырастет младший брат, и поручив ему заботу о матери, юноша тайком покинул родительский дом и отправился в Киев, где и принял постриг, став учеником преподобного Антония Печерского (983–1073). Так любовь и кротость, соединенные с христианским мужеством, дали миру великого подвижника; а что было бы, если бы матери удалось сломить волю сына или если бы сын позволил злобе на несправедливые действия матери возобладать в собственной душе? И то, и другое – прекрасный урок для нас всех, как детей, так и родителей.

Непонимание родных на пути к монашеству пришлось испытать на себе и другому праведнику, святителю Иоасафу (Горленко), епископу Белгородскому (1705–1754). Отец его был военным, дослужился до чина полковника и, как многие отцы, мечтал о том, что сын пойдет по его стопам. Однако юношу влекла монашеская стезя; он долго не решался открыться родителям, а когда, наконец, поделился с ними своим намерением – получил отказ в родительском благословении. Долго и упорно уговаривали родители своего сына вернуться к военной карьере; как и преподобному Феодосию, будущему святителю пришлось принимать постриг втайне от своей семьи... В конце концов монаху Иоасафу удалось примириться с родными, а его верность избранному пути и желание служить Господу и людям принесли поистине благие плоды. Православным людям Белгорода святитель запомнился как мудрый пастырь, строгий к себе и другим, но в то же время искренне, по-отечески любивший свою паству и заботившийся о ней. Любой страждущий, нуждающийся или несправедливо притесняемый мог рассчитывать на его помощь; после кончины этого милостивого и нестяжательного пастыря в его келье не нашли никакого имущества, кроме рясы да нескольких медных монет...

Нелегко был путь к подвижничеству и у преподобного Иоанна, затворника Святогорского (1795–1867). Как и святые Феодосий и Иоасаф, Иван Крюков (таково было имя преподобного в миру) с ранних лет мечтал о монашеском пути,

но властная мать вынудила его жениться. Иоанну не хватило решимости преподобного Феодосия, чтобы отказаться от навязанного жизненного пути; зато ему хватило стойкости и постоянства, чтобы продолжать бережно хранить свою мечту о монашестве в течение многих лет. В возрасте около сорока лет, уже будучи вдовцом, Иоанн все же выполнил эту мечту: принял постриг в Глинской пустыни Курской епархии. Известная поговорка «лучше поздно, чем никогда» оправдалась в его жизни в полной мере: преподобный достиг на этом пути таких духовных высот, что смог понести даже один из труднейших монашеских подвигов – затворничество. Вот как описывает жизнь старца Иоанна в затворе один из его современников:

«Представьте себе тесную и низкую келию, своды которой не выше роста человеческого, иссеченную в мелу, свет в которую проникает через узкую скважину, пробуравленную наружу скалы на довольно большом расстоянии. Атмосфера келии резко холодная и сырая, напоминает собою ледник: она как бы колет вас и возбуждает в теле озноб лихорадочный. Все убранство келии составляет деревянный открытый гроб с большим надмогильным деревянным крестом у изголовья, на котором написан распятый Господь; в гробе немного соломы и возглавие, и в таком виде служил он ложем успокоения затворнику, претружденному подвигом бдения молитвенного. Вот все успокоение, которое позволял себе подвижник: затем небольшой аналой у святых икон, дере-

вянный обрубок, служивший вместо стула, кувшин для воды, горнец для пищи, нагольный тулуп, ветхая мантия с эпитрахилью и неугасаемая лампада – удовлетворяли все жизненные потребности затворника, да еще неизменные его тяжелые железные вериги и жесткая власяница, которые носил он на своем теле и которые сами составляли немалое испытание своей тяжестью и остротой. Правило молитвенное по заповеди отца Арсения совершал он следующее: в сутки полагал 700 поклонов земных, 100 поясных, произносил молитв Иисусовых 5000, Богородичных 1000, читал акафисты Сладчайшему Иисусу, Богоматери и Страстям Христовым, помянник... приобщался Святых Христовых Таин... в соседней пещерной церкви Иоанна Предтечи, где служилась еженедельно Литургия по вторникам...

Крепость духа подвижника Божия была поистине изумительна: все терпел он мужественно ради Господа и спасения своей души; страдания Господа всегда представлял он взором души своей и, противопоставляя им свой подвиг, считал его ничтожным от искреннего сердца».

За свою добродетельную подвижническую жизнь преподобный Иоанн сподобился дара прозорливости и чудотворения. В затворе он провел целых семнадцать лет, непрерывно творя молитву Иисусову.

Неправда ли, дорогие мои, житие преподобного Иоанна – замечательный пример того, что никогда не стоит отчаиваться и ставить крест на своих благих намерениях и меч-

тах? Конечно, бывает и так, что мечты наши не исполняются потому, что Господь уготовал нам нечто лучшее: ведь только Он один действительно знает, к чему именно каждый из нас готов и что принесет нам подлинное духовное благо. Но если намерения наши совпадают с Господней волей о нас, то рано или поздно нам удастся воплотить их в жизнь. Если, конечно, мы сами не махнем на них рукой и не предпочтем просто плыть по течению...

И это справедливо отнюдь не для одних только монахов, но и для каждого христианина – монаха, женатого или безбрачного мирянина, священника, епископа... Ведь все эти пути отличаются друг от друга лишь внешними обстоятельствами, а суть и цель у них одна – стяжание Духа Святого, что возможно для всех христиан без исключения, вне зависимости от их «гражданского состояния». Об этом часто говорил один из величайших подвижников Курской земли и всего Православия в целом – преподобный Серафим Саровский (1754–1833), в день обретения мощей которого Церковь и повелела праздновать память Собора Курских святых. Так, например, когда один из духовных чад преподобного, Николай Мотовилов, выразил сомнение в том, что он, женатый мирянин, помещик, может так же стяжать Божественную благодать, как и строгий монах-подвижник, каким был батюшка Серафим, святой ответил ему так: «Что же касается до того, что я – монах, а вы – мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскует правая вера в Него и Сына

Его Единородного. За это подается обильно свыше благодать Духа Святого. Господь ищет сердца, преисполненного любви к Богу и ближнему, – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебрежной славы. *Сыне, даждь Ми сердце твое* (Притч. 23, 26), – говорит Он, а все прочее Я Сам приложу тебе, ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие (см. Мф. 6, 33). Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели веру в Него, хотя бы яко “зерно горушно”, и оба двинут горы (см. Мк. 11, 23)».

О том же говорил преподобный и другому духовному сыну-мирянину незадолго до своей кончины: *«Царство Божие – не брашно и питье, но праведность и радость во Духе Святом* (Рим. 14, 17). Только не надобно ничего суетного желать, а все Божие – хорошо, и девство славно, и брак благословен Богом: *И благослови я Бог, глаголя: раститесь и множитесь* (Быт. 1, 22). Только враг смущает все».

Вообще, если человек искренне стремится всей своей жизнью исполнять волю Господа, служить Ему и ближним – Господь обязательно поможет ему в этом, укажет наилучший путь и поддержит на этом пути, даже если внешние обстоятельства будут против.

Так, например, будущий подвижник Оптинский Макарий (1788–1860) в юности служил по финансовому ведомству и, казалось, не собирался становиться монахом. Однако духов-

ная жизнь всегда привлекала его больше всех прочих сторон бытия; и после кончины родителей, в возрасте двадцати двух лет, молодой человек оставил службу и поступил послушником в Площанскую пустынь. Первым наставником его был один из учеников преподобного Паисия Величковского (1722–1794) – старец Афанасий. Следуя примеру своего духовного отца, Афанасий занимался изучением и переводами святоотеческой литературы – в те времена очень многое из обширнейшего святоотеческого наследия оставалось еще не переведенным на русский язык, что немало затрудняло развитие духовной жизни в Русской Церкви. Афанасий приобщил к этому благодатному труду и своего ученика. Преподобный Макарий продолжил труды своего старца по изучению и переводам святоотеческого наследия; под его мудрым руководством, как чисто практическим, так и духовным, в обители возникла целая школа переводчиков духовных книг, было собрано воедино и издано множество трудов святых, в том числе самого преподобного Паисия. Вклад преподобного Макария и его соратников в дело духовного просвещения России был поистине неоценим; кроме того, благодаря этим трудам к Церкви потянулись представители интеллигенции – в частности, на исповедь к старцу Макарию приезжали такие известные литераторы и мыслители, как Николай Гоголь и Алексей Хомяков.

Недаром другой подвижник, святитель Игнатий (Брянчанинов; 1807–1867), так отзывался о преподобном Макарии:

«Отец Макарий в наше время был лучшим наставником монашества, действовал со своим понятием, с целию угождения Богу и пользы ближним, при значительном самоотвержении».

Старец Макарий постоянно подчеркивал, как важно для христианина непрестанно возвращать в себе любовь к Богу и ближнему. «Вы имеете желание приблизить себя к Богу и получить спасение, – писал он одному из духовных чад. – В этом состоит весь долг каждого христианина, но сие совершается чрез исполнение заповедей Божиих, которые состоят все в любви к Богу и ближнему и простираются до влюбления врагов. Читайте Евангелие, там найдете путь, истину и жизнь, сохраняйте Православную веру и уставы Святой Церкви, поучайтесь в писаниях церковных пастырей и учителей и соображайте жизнь свою по их учениям. Но одни правила молитвенные не могут нам принести пользы... советую стараться сколько можно обращать внимание ваше на дела любви к ближним: в отношении к матушке вашей, супруге и детям, пецись о воспитании их в Православной вере и доброй нравственности к подчиненным вам людям и ко всем ближним. Святой апостол Павел, исчисляя разные виды добродетелей и подвигов самоотвержения, говорит: если я сделаю то или это, *а любви не имею, нет мне в том никакой пользы* (1 Кор. 13, 3)».

Неустанно боролся старец с обрядоверием, с тем при-
скорбным явлением, когда христианская жизнь сводится

лишь к выполнению неких внешних правил, тогда как собственно духовная работа над своей душой оказывается забыта. А ведь искреннее стремление послужить Господу состоит вовсе не в стремлении «вычитать» как можно больше молитв и «отстоять» как можно больше церковных служб!

«Не в том только состоит дело спасения, что сходить в церковь да сесть за пяльцы, а надобно смотреть за сердцем своим и истреблять страсти: гордость, самолюбие, тщеславие, гнев, ярость, злобу, обжорство, похоть плоти и прочее; в том-то и состоит наша духовная брань – противиться страстям, истреблять их помощью Божиею».

Прекрасный пример того, что никакие обстоятельства не могут помешать христианину служить Богу, находим мы и в житии преподобного Исаакия Оптинского (1810–1894), бывшего в течение тридцати двух лет настоятелем Оптиной пустыни. Как и многие Оптинские старцы, преподобный Исаакий пришел в обитель уже человеком зрелым – в тридцать семь лет, да к тому же был поставлен на одно из самых «суетных» послушаний – хозяйственное. И все это не только не помешало ему достичь духовного совершенства, но, напротив, опыт, приобретенный за годы благочестивой христианской жизни в миру, весьма пригодился ему в монастыре, а непрестанные труды на благо монастыря стали для него прекрасным упражнением в деятельной любви к ближнему.

Поучений старца Исаакия до нас дошло не много, но те, что дошли, дышат подлинной духовной мудростью. «Живи-

те по совести и просите помощи у Царицы Небесной, и все будет хорошо», – говорил он.

Последними же словами старца перед кончиной были: «Любите Бога и ближних, любите Церковь Божию, в службе церковной, в молитве ищите благ не земных, а небесных!» Трудно придумать более краткое и одновременно более полное описание сути христианской жизни.

Пожалуй, одним из самых тяжелых испытаний для всякого человека является то, когда на него по причине его убеждений ополчаются не просто родственники или друзья, а вся его родная страна. Это страшное испытание выпало и на долю курских православных христиан в годы безбожной власти. Курская епархия дала миру немало новомучеников и исповедников; мученическую кончину за Христа претерпели два Курских архиепископа подряд...

Первым из Курских святителей-священномучеников стал архиепископ Дамиан (Воскресенский; 1873–1937). Поставленный на Курскую кафедру в 1928 году – уже после нескольких лет преследований, тюремного заключения и ссылки за отказ присоединиться к раскольникам-«обновленцам» и во всем подчиняться безбожным властям, – владыка Дамиан и здесь проявил себя как мужественный христианский пастырь, главным для которого было не угождение сильным мира сего и не личное благополучие, а духовное благо своей паствы и служение Богу и Церкви. Несмотря на открытые угрозы властей, владыка бесстрашно проповедо-

вал пастве Христа, хранил верность канонической Церкви и всячески помогал ссыльным и преследуемым безбожниками священнослужителям.

Осужденный в 1932 году на заключение в Соловецком лагере за подобную «контрреволюционную», а по сути – просто пастырскую деятельность, а также и за то, что даже под следствием в НКВД открыто исповедовал Христа и не отказался от своих убеждений, владыка Дамиан вместе со многими другими узниками совести был расстрелян в 1937 году. Но дело его на земле не погибло: его непосредственный преемник, архиепископ Курский Онуфрий (Гагалюк; 1889–1938), ничем не уступал священномученику ни в ревности по Богу, ни в пастырском мужестве и христианской любви.

Владыка Онуфрий был поставлен на вдовствующую Курскую кафедру сразу же после окончательного приговора священномученику Дамиану, в 1933 году. Казалось бы, трагическая судьба его предшественника должна была побудить нового архиепископа быть более «сдержанным» в своей деятельности, опасаться за свою жизнь. Но не таков был владыка Онуфрий. Человек мягкий, спокойный и кроткий, полный безграничной любви к Богу и ко всем людям без исключения, он в то же время умел быть решительным и твердым во всем, что касалось веры и пастырского служения. Так, например, в 1932 году один из его друзей-священнослужителей написал владыке, что решил прекратить дело проповеди и ограничиться одним только совершением церковных

служб и треб, потому что времена непростые, а «иной недобрый человек извратит мои слова, и я могу пострадать! Когда увижу хоть некоторое успокоение, тогда продолжу дело благовествования».

Владыка Онуфрий так ответил другу на эти слова: «Никак не могу согласиться с твоими доводами.

Долг святителя и пастыря Церкви – благовествовать *день от дня спасение Бога нашего* (Пс. 95, 2): и в дни мира, и в дни бурь церковных, в храме, в доме, в темнице. Послушай, как объясняет святитель Иоанн Златоуст слово святого апостола Павла: *проповедай слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием* (2 Тим. 4, 2). Что значит *настой во время и не во время*? То есть не назначай определенного времени, пусть будет у тебя всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия или сидения в Церкви; хотя бы ты был в опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть – и в это время не переставай обличать, вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение, когда оно может иметь успех. Тогда наша проповедь дает плод, когда люди ее жаждут. В дни скорби, смущений самое простое искреннее слово пастыря приносит сторичный плод. На днях исполнилось три года моего святительского служения в Старооскольской епархии. С первого вступительного слова... и поныне всякий воскресный праздничный день за Божественной литургией и в воскресные вечера я говорил поучения

своей пастве. Делал это я не без смущения, волнений и страхов. Но Господь Милосердный хранил меня, и верю: сохранит и впредь. А если угодно будет Господу – приму и скорби за слово истины.

Если мы умолкнем, то кто будет говорить? На проповедь Царства Божия послал нас Сам Господь. И горе нам, если мы не благовествуем! Мы становимся в таком случае в ряды противников Божиих».

В другом письме владыки Онуфрия находим мы схожие рассуждения о пастырском долге; он считал, что долг пастыря – проповедовать Христа всеми возможными способами, включая и письменную проповедь, которая дойдет и до тех, у кого нет возможности выслушать устную:

«На епископах преимущественно лежит долг проповедовать слово Божие. Почти все мы исполняем это и усердно возвещаем Царство Христово на земле – но устно. Подвиг духовного писательства несут из нас лишь немногие. Конечно, устная проповедь имеет главное значение: произносимая с воодушевлением и убеждением перед большой аудиторией до тысячи молящихся, иногда она оказывает большое влияние на слушателей, направляя их к Богу и доброй христианской жизни. Но и самое красноречивое слово скоро забывается. Притом часто является сильное желание у верующего почитать у себя на дому что-либо из области веры. В этом отношении необходимо письменное наставление.

Если устное слово возбуждает веру у молящихся, то пись-

менное усугубляет ее, утверждает. О важности письменной проповеди апостол славянских христиан Кирилл говорил: «Проповедовать только устно – все равно что писать на песке»».

Впрочем, дело проповеди владыка Онуфрий считал задачей не одних только священнослужителей, но и всех христиан, ведь вовремя сказанное слово может подчас преобразить всю человеческую жизнь. «Разве только в храме мы должны говорить о Боге, о Божественном учении? – писал владыка Онуфрий одному из своих многочисленных друзей. – Не только в храме, а и на всяком месте, где придется, где есть души неверующих, не знающих Бога или сомневающихся. Даже если не может верующий доказать своей истинности и опровергнуть речи неверующих, пусть он скажет ясно и определенно христианское учение. И это уже будет победа... Всякое необличенное слово лжи приносит свой плод, а разоблаченное, оно теряет свою силу».

Разумеется, владыка Онуфрий понимал всю опасность подобной проповеди в условиях безбожных гонений. Однако за себя он не боялся: главным для него всегда было служение Богу и ближним, собственным же благополучием и даже жизнью он всегда готов был пожертвовать ради этого служения. Владыка действительно сам жил так, как учил других, открыто и безбоязненно проповедуя людям Христа Распятого и Воскресшего.

В том же письме к другу он так писал о гонениях и муче-

ничестве:

«Ты, дорогой друг, с тревогой спрашиваешь меня: что будет с нашей Церковью Православной лет через тридцать, когда те верующие, коих теперь немало, умрут, а их сменит нынешнее поколение злых и злобных врагов Церкви Божией? Ведь тогда они пойдут открытым походом на Церковь Божию. А что же мы им противопоставим? – Нужно сказать тебе, дорогой друг, что наряду с врагами Церкви Божией растут, несомненно, и друзья ее; пусть будет их немного, но они сильны своей истиной. Под градом насмешек и притеснений они закаляют свою веру в Бога и преданность Церкви Божией, они встанут на защиту веры и Церкви Православной...

Может пролиться кровь верующих. Пусть она будет семенем, как в первые века христианства, – семенем, из которого вырастет еще крепкая дружина христианская. Для Церкви Христовой не новость гонения и кровь. Все это было. И все это вело не к уничтожению Церкви Православной, а к ее прославлению и распространению. Притом не забывай, дорогой друг, что святые примеры всегда зовут к подражанию. Когда неверующие гонители увидят непоколебимую стойкость православных христиан, запечатленную кровию, тогда некоторые из них, способные к восприятию истины Божией, несомненно, станут в ряды исповедников Христовых, как то было с древними язычниками, которые, видя веру христиан, сами становились из мучителей последователями Христовыми. И много, много может стать новых друзей Христовых из

разных стран и народов, которые заменят изменников веры, по слову Самого Спасителя: *Говорю же вам, что многие придут с востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом в Царстве Небесном, а сыны царства извержены будут во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов* (Мф. 8, 11–12).

Не унывай же, дорогой друг, а будь прежде всего сам верен, даже до смерти, Церкви Божией Православной и усердно молись Господу, да изведет делателей на жатву Свою, потому что *жатвы много, а делателей мало* (Мф. 9, 37)».

В чем же видел владыка причины гонений и вообще того, что в некогда православной России установилась теперь безбожная власть? В том, что сами православные христиане, продолжая внешне соблюдать все обычаи и обряды, на деле уже давно отпали от Христа, заботясь лишь о земных благах и выгодах, лелея свои многочисленные страсти и вовсе не интересуясь жизнью во Христе. «Господь справедлив всегда! – писал владыка. – За что такая скорбь душе нашей? – За неверие, богохульства и кощунства высших, за богоотступничество многих из бывших епископов и иереев – ныне обновленческих и иных раскольников, за равнодушие к святыням и маловерие многих, считающих себя православными!»

Самому владыке Онуфрию пришлось перенести немало самых различных гонений. Ему угрожали, его всячески притесняли, арестовывали, отправляли в ссылку... Но ничто не могло сломить его веры и любви. Из одной такой дальней

ссылки, переживая многочисленные лишения, владыка писал друзьям: «Не оглядываться мне нужно назад, что было со мною, – оно во мне осталось, а работать нужно Богу и людям здесь, в глухом селе, почти в тюрьме: служитель Христов должен нести свет Христов и в темницы, как это делали апостолы. Сказать слово веры своему случайному собеседнику, приголубить ребенка, открыто исповедовать и защищать свою веру, несмотря на насмешки и гонения неверующих, – все это значит нести свет Христов в окружающую жизнь. Есть и другие дела у меня здесь: в селе Кудымкаре – храм Божий православный, и я имею возможность ходить и молиться в нем. Какое это великое утешение! Могу причащаться Святых Христовых Таин – а что выше и отраднее сего!»

Здесь нет жалоб на свое тяжкое положение и чинимые несправедливости – есть только смиренное принятие воли Божией о себе и искренняя радость тому, что Господь дает возможность в любом месте служить Ему. Пожалуй, лучший эпиграф ко всей жизни святителя Онуфрия заключается в его собственных словах, повторявшихся им неоднократно: «Да будет и на сие воля Господня, если так угодно Богу!»

Священномученик Онуфрий был расстрелян в 1938-м, через год после мученической кончины своего предшественника по кафедре. Незадолго до мученической кончины владыка писал: «Мы должны нести свет Христов всем людям. Как отнесутся к нам – с любовью или враждебно, нас это не

касается. Мы исполняем служение проповедников Христовых. Я радуюсь, что Господь дал мне силы проповедовать людям о Христе, приводить их ко Христу Богочеловеку, в Котором только могут найти люди истинное счастье и цель жизни – обрести надежный покой и вечную радость...»

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры! В наше время всеобщих подмен, когда со всех сторон мы слышим призывы «жить для себя» и в сознание людей внедряются какие-то инфантилизм и безответственность, нам особенно необходимы жизненные примеры, подобные примерам святых Собора Курской земли. Этим святым никто не может упрекнуть в инфантилизме: ведь они успешно отстаивали свои убеждения и стремления, несмотря ни на какие препятствия. Почему же им это удалось? Да потому, что эти стремления не были эгоистичны.

Чего желали Курские святые? Только того, чтобы всей своей жизнью служить Богу и людям на том или ином избранном ими поприще. И именно поэтому – а не только лишь из-за одной их настойчивости – у них в конце концов получалось совершать задуманное благо. Ведь Господь всегда помогает тем, кто ищет Его и возвращает в своей душе деятельную любовь к Нему и ближним.

Будем же подражать святым угодникам Собора Курских святых в этой искренней и деятельной христианской любви к Богу и людям, в их мужестве и стойкости, в неколебимой верности Христу и решимости отстаивать избранный путь.

Будем усердно изучать свою веру, и не только изучать, но и жить по ней, следуя за Христом всегда и во всем, несмотря ни на какие трудности. В нелегких, но благословенных трудах христианского делания будем просить помощи и укрепления Божия, а также и молитвенного предстательства за нас всего Собора Курских святых, взывая вместе со всей Святой Православной Церковью:

«Святителие Христови, Курские архипастыри Онуфрие и Дамиане, на ниве Православия потрудившиеся и кончину мученическую приявши, многих ко Христу приведши, и великий старче Серафиме, солнцу равно возсиявший подвигами древних подвижников благочестия в пустыне Саровстей и всю землю Русскую озаривший блистанием святости подобне Моисею пророку, и преподобне Исаакие, земли Курския отрасли, много потрудившийся в подвигах иночества в обители Оптиной, и вси святии угодницы земли Курския, присные ходатаи пред Господем, добре земное поприще прошедши, иго Христово понесшии и высоких добродетелей достигшии, нравам благим ближних научившии и заповеди Христови соблюдшии, смиренно ныне мы преклоняемся пред вашим предстательством у Господа. С великим упованием молим вас: не презрите молений наших, но испросите у Господа милости и щедрот, грешником спасение, сущим в скорбех и печалех утешение, маловерным надежду и терпение, в радости живущим благодарение, болящим исцеление. Присно будете наши молитвенницы и ходатаи пред

Господем, дабы и нам грешным соделатися причастниками жизни вечныя в тихих и блаженных обителех Его и наслаждаться лицезрением небесной славы Его и вечно славити и воспевати пресвятое имя Отца и Сына и Святаго Духа во веки!»

Аминь.

Слово в день памяти святого пророка Илии (20 июля / 2 августа)

*И подошел Илия ко всему народу и сказал: долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему.
3 Цар. 18, 21*

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе братья и сестры!

Мощь чудотворца, которой был наделен святой пророк Илия, живший в IX веке до Рождества Христова, не имеет себе равных в истории ветхозаветных времен. В грозной славе предстает перед нами святой Илия, единым словом затворявший небеса и сводивший на землю огонь, воскрешавший мертвых и низвергавший во прах царей. И его единственно-го из древних праведников Господь вознес в Царствие Свое живым, во плоти.

А между тем, по свидетельству апостольскому, *Илиа был*

человек, подобный нам (Иак. 5, 17). Почему же этот земной человек, упрямый и страстный, неудержимый во гневе, обладал таким необычайным духовным могуществом?

Святой Илия любил Бога. В этом, и только в этом, была его сила. Всем сердцем, всем разумом, всеми помыслами любил Небесного Отца верный слуга Его Илия, и в мире не было ему равных по огненности священного боголюбия. В житии сказано, что он «пылал к Богу, как Серафим, пламенной любовью. И сам Илия был любим Богом, так как Бог любит любящих Его». И Всемогущий Господь внимал молитвам великого боголюбца, исполнял самые дерзновенные его прошения, не желая огорчать верного Своего служителя.

Когда рождался будущий пророк, отец его, Савах, внезапно увидел вокруг младенца светлых мужей, пеленавших его огнем и вкладывавших в уста его пламя. Устрашенный, Савах поспешил рассказать о видении первосвященникам. Один из них, бывший прозорливцем, предвозвестил будущее чудесного ребенка: «Не бойся видения относительно твоего сына, но знай, что младенец тот будет сосудом благодати Божией; слово его будет, как огонь, сильно и действительно, будет велика и ревность его по Господу, и будет судить он Израиля оружием и огнем».

Младенец был назван Илией, что означает *крепость Божия*, – имя, достойное мощи его духа. Он происходил из священнического рода Аарона, рос и воспитывался среди священнослужителей, с детства приобщался к тайнам Боже-

ственного Откровения. Пресветлые истины Господни вытесняли из чуткого сердца святого Илии все прочие впечатления, рядом с величием Всевышнего земные дела и чувства оказывались ничтожными, недостойными, и святой Илия все сильнее возгорался стремлением к служению Богу.

Древнейшие патриархи и пророки, возлюбившие Господа, не чуждались и земных радостей. А святой Илия не желал для себя ничего, кроме близости к Небесному Отцу, отсек от себя не только греховные соблазны, но и невинные удовольствия. Этого славного ревнителя о Боге можно назвать зачинателем монашества. Всевышний Пречист – и святой Илия «возлюбил девственную чистоту, в которой пребывал, как Ангел Божий, чистый душой и телом». Людская суета и пустословие отвлекали боголюбца от возвышенных мыслей – и он уходил в пустыни или горные пещеры, чтобы остаться наедине с Творцом. Там ждало святого Илию его счастье – он беседовал со Всевышним, Бог внимал и отвечал ему. Нет для человека высшего счастья ни в этой жизни, ни в вечности, чем беседа с Богом.

Но все же и среди такой несказанной услады святой Илия не мог всецело отрешиться от мира. Вокруг было слишком много вещей и явлений, оскорблявших его пламенное боголюбие, посягавших на святыню имени Божия. Он видел, в какую грязь и мерзость погрузился народ израильский, народ, который Сам Всевышний удостоил избрания! И сердце святого Илии вскипало гневом. В Израиле воцарился Ахав,

делавший *неугодное пред очами Господа более всех, бывших прежде него* (3 Цар. 16, 30). Еще хуже этого развратившегося царя была его жена Иезавель, финикийка, прибывшая в свое новое Отечество вместе с языческими жрецами. По всему Израилю разрушались жертвенники Господни, а на их месте возводились капища Ваала и Астарты. Весь народ приводился к поклонению идолам, а тех, кто пытался воспротивиться кощунству, убивали по приказу Иезавели. Хранивших верность Единому Господу оказалось не много – бóльшая часть израильтян легко совратилась в язычество. Служение Истинному Богу требует труда: добрых дел, молитв, воздержания, преодоления своих страстей и пороков. А служить идолам было весело: разнузданные пляски, пьянство и бесстыдство, «религиозный» свальный блуд. Среди такого «веселья» отступников-израильтян не смущало даже то, что идолы требовали себе в жертву младенцев-первенцев из каждой семьи. Не случайно наименование одного из тогдашних языческих божков «веельзевул» христиане стали прилагать к диаволу: за гнуснейшими из древних форм идолослужения скрывался сам князь тьмы.

Святой Илия с омерзением и негодованием смотрел на беснование израильтян – народа-отступника, надругавшегося над дарованным ему Божественным Откровением. Не в силах выносить такого поругания, святой пророк вопрошал Всевышнего: почему Он Сам не вернет нечестивцев на путь правды силою Своего Всемогущества? Но Создатель не дей-

ствуует насилием. Он ждет добровольного обращения, а народ израильский закоснел в жестокосердии.

Зная о долготерпении Господа-Человеколюбца, святой Илия понимал, что Израиль может еще много лет оскорблять Небеса, прежде чем на него изольется чаша гнева Божия. И в сердце пламенного ревнителя о славе Божией родилась дерзновенная мысль – просить Всевышнего ввернуть ему, Илию, кару отступникам, дабы сломить жестокосердие израильтян рукой человеческой – к вящему их посрамлению. Святой Илия начал молить Бога об этом грозном даре, молить неотступно, – и Господь не отказал избраннику Своему: *Восстал Илия пророк, как огонь, и слово его горело, как светильник* (Сир. 48, 1).

Святой Илия явился к нечестивому Ахаву и потребовал положить конец беззаконию. Надменный царь стал смеяться над неведомо откуда пришедшим обличителем. И тогда святой пророк проклял безумного царя и соvrащенный им народ: *Жив Господь Бог Израилев, пред Которым я стою! в сии годы не будет ни росы, ни дождя, разве только по моему слову* (3 Цар. 17, 1). Властью, данной ему от Бога, грозный пророк затворил небеса: жаждущая земля не получала ни капли влаги. Началась страшная засуха, погиб урожай, людям стало нечего есть. Бедствие постигло старых и малых, богатей и нищих, виновных и неповинных – *пророк Илия навел на них голод и ревностию свою умалил число их* (Сир. 48, 2). Языческое «веселье» кончилось. Израиль вымирал. Так

продолжалось один год, второй, третий.

Но все еще упорствовали в оскудевшем своем дворце угрюмый Ахав и бесноватая Иезавель: царские закрома еще не опустели, и потому не растворял небеса для живительного дождя пламенный ревнитель о Боге, великий пророк Илия.

Не отнимая у святого Илии его грозного дара, Человеколюбец Бог многократно обращался к нему, говоря: пора помиловать народ. Но ревнитель упорствовал. Сначала, чтобы он сам не умер от голода, Бог поселил его у потока Хораф, в пустынных местах, пищу пророку приносили вороны. Но и такое «жестокое житие» не смирило гнев святого Илии на израильтян. Через некоторое время засуха истощила и воды Хорафа. По велению Божию пророк отправился в дом бедной вдовы, умиравшей от голода вместе с единственным сыном. Но и зрелище страданий бедняков не заставило пламенного ревнителя сжалиться над народом-отступником.

В доме приютившей его вдовы святой Илия явил скромное чудо: остававшиеся у нее горсточка муки и капли масла не убывали, и этим все они питались. Потом заболел и умер сын вдовы. Бедная женщина возроптала на пророка, принесшего горе и ее дому, и всему народу. Но по молитве святого Илии ребенок воскрес. Этот мальчик, которого звали Ионой, впоследствии сам стал пророком и унаследовал непреклонность воскресившего его ревнителя. Святой Иона упрямо отказывался проповедовать покаяние заблудшим ниневитянам, желая гибели нечестивцам, – и Сам Господь вынуж-

ден был увещевать этого наследника Илиной пламенности: *Мне ли не пожалеть Ниневиш, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество окота?* (Иона. 4, 11).

И Всемилостивый Господь сжалился над израильтянами, так же как и в случае с пророком Ионой разучившимися *отличать левую руку от правой*. Всевышний повелел слуге Своему Илии, зашедшему слишком далеко в праведном гневе, прекратить бедствие.

Свою проповедь Израилю святой Илия начал с обличения, напоминания о былой праведности и нынешнем нечестии: *Долго ли вам хромать на оба колена? если Господь есть Бог, то последуйте Ему, а если Ваал, то ему последуйте* (3 Цар. 18, 21).

А далее не словами, но явлением силы Божией показал святой Илия ничтожество языческой мерзости пред лицом Бога Истинного. По чьим молитвам возгорятся незажженные дрова на жертвеннике? Ваал или Господь способен сотворить подобное чудо? – таково должно было быть природное испытание вер.

Святой пророк Илия, служитель Всевышнего, одиноко стоял в стороне, пока четыреста пятьдесят языческих жрецов, столпившись перед жертвенником, взывали к темным силам. Это продолжалось с утра до полудня, а огонь все не возгорался. Наступило жаркое время суток, когда у евреев было в обычае спать, – и святой Илия посмеялся над поту-

гами жрецов, сказав им: *кричите громким голосом, ибо он... может быть, спит, так он проснется* (3 Цар. 18, 27).

Такая насмешка довела бесслужителей до экстаза: они начали вопить, резать собственные тела ножами и хлестать себя бичами, как полагалось в их мрачных обрядах в «особых» случаях. Их беснование длилось до вечера. Наконец святой Илия остановил эту мерзость: пришло время торжества Бога Истинного.

Пророк Господень приказал вырыть под жертвенником глубокий ров и заполнить его водою, так что *вода полилась вокруг жертвенника* (3 Цар. 18, 35). Это было сделано для того, чтобы у всех не осталось даже тени сомнения во всемогуществе Бога Илиина. И взмолился святой Илия: *Услышь меня, Господи, услышь меня! Да познает народ сей, что Ты, Господи, Бог, и Ты обратишь сердце их к Тебе* (3 Цар. 18, 37). Грозное зрелище предстало взорам израильтян. Ниспавший с небес огонь тотчас же испепелил дрова, и жертву, и даже камни и иссушил воду. *Увидев это, весь народ пал на лице свое и сказал: Господь есть Бог, Господь есть Бог!* (3 Цар. 18, 39). Увы, ненадолго хватило покаяния народа израильского. По властному слову пророка Илии горела вода и воспламенялись камни – однако сердца отступников оказались жестче камней, души их были изменчивее воды.

Но пока весь народ во главе с царем Ахавом не выказал раскаяние, не хлынул на землю благодатный дождь, вызванный молитвой святого Илии. По велению пророка Божия бы-

ли схвачены все присутствовавшие там идольские жрецы, и святой Илия собственной рукой заколол этих служителей бевсов, обманщиков и совратителей, «и нечестивые трупы их бросил в воду, чтобы земля не осквернилась ими, и чтобы воздух не заразился ими». Совершая казнь жрецов, пророк-мститель действовал в духе Ветхого Завета, по которому идолопоклонство считалось страшным преступлением, а со-вращение других в идолопоклонство – еще более страшным. За это зло, направленное против самой души народа, древний Закон повелевал немедленно карать смертью, не щадя ни родных, ни близких: *Если будет уговаривать тебя тайно брат твой... или сын твой, или дочь твоя, или жена на лоне твоём, или друг твой, который для тебя, как душа твоя, говоря: «пойдем и будем служить богам иным»... то... да не пощадит его глаз твой, не жалея его и не прикрывая его, но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убить его...* (Втор. 13, 6–9).

По букве этого сурового закона высшей справедливости в случае общенародной измены Господу, как это произошло в царствование Ахава, весь народ подлежал истреблению: *порази жителей... острием меча, предай заклятию... все, что в нем, и скот его порази острием меча* (Втор. 13, 15). И вскоре грозный пророк Илия пожалел, что Всемилостивый Господь остановил его руку, не дал ему довершить уничтожение богоотступников.

Нечестивая Иезавель, узнав о гибели своих жрецов, стала

угрожать святому Илии мщением. И никто, никто во всем Израиле, только что видевшем великое чудо Истинного Бога, не вступился за пророка Господня. От ярости Иезавели святой Илия бежал в пустыню и по пути изнемог. Сознание того, что и дарованное от Господа духовное могущество не помогло ему восстановить на земле праведность, наполнило его душу невыносимой горечью. Святой Илия думал, что проиграл в борьбе с мировым злом, что все совершенные им подвиги благочестия оказались напрасными, что разрушилось дело его жития. Он заплакал, *сел под можжевелевым кустом, и просил смерти себе, и сказал: довольно уже, Господи, возьми душу мою, ибо я не лучше отцов моих* (3 Цар. 19, 4).

Но Вселюбящий Господь не хотел смерти Своего избранника. Опечаленному пророку явился Ангел и повел его через пустыню к горе Хорив, где святому Илии предстояла встреча со Всевышним.

На Хориве, где святой Илия ждал явления Божия, перед ним одна за другой прошли грозные стихийные силы: буря, «раздирающая горы и сокрушающая скалы», землетрясение, огненный шквал. Но ни в буре, ни в землетрясении, ни в огне не было Господа. Наконец повеял тихий ветер – и там был Господь. Этим нежным дуновением Вселюбящий Бог показывал пламенному служителю Своему, что Всесовершенство Божественное сокрыто не в грозном величии, а в тишине и покое и не столько страхом и казнями, сколько кротостью

надобно обращать грешников на путь правды. Святой Илия со слезами обратился к Небесному Отцу и стал сетовать: *сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечом, остался я один, но и моей души ищут, чтобы отнять ее* (3 Цар. 19, 10). И эту скорбь праведника, вызванную святой ревностью о деле Божием, Всевышний не оставил безутешной. Он открыл святому Илие сокровенное для него знание: нет, не весь народ отступил от Бога Истинного, в нем осталось еще семь тысяч верных, отвергших поклонение Ваалу. Узнав об этом, пророк Илия воспрянул духом: он больше не чувствовал себя одиноким в святой своей ревности, в святом своем боголюбии.

Земные дни пламенного пророка Илии увенчал Господь невиданной славой, живым вместе с телом взяв боголюбца в Горние обители: *Явилась колесница огненная и кони огненные... и понесся Илия в вихре на небо*, а стоявший внизу ученик его, святой Елисей, оплакивая утрату, восклицал: *отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его!* (4 Цар. 2, 11–12).

Да, великий пророк Илия, казавшийся многим только жестоким *бичом Божиим*, повсюду гонимый и ненавидимый, – на самом деле являлся истинным служителем Бога и своего народа, спасавшим его от духовной смерти.

Праведники последующих времен сумели понять, каким благом явилось служение пламенного обличителя и борца за

правду Божию, святого Илии, для падшего мира. Наказание, обрушившееся на израильский народ вследствие гнева праведника, многих в народе заставило опаматоваться, до срока отвело от израильтян карающую десницу Божию. Премудрый сын Сирахов, обращаясь к святому Илии, говорит: *Ты предназначен был на обличения в свои времена, чтобы утишить гнев, прежде нежели обратится он в ярость. Блаженны видевшие тебя и украшенные любовью, – и мы жизнью проживем* (Сир. 48, 10–11).

Но увы, ни память о подвигах святого Илии, ни деяния других подобных ему ревнителей благочестия так и не смогли свернуть Израиль с пути страстей и гордыни, в конце концов приведших к богоубийству. *Народ не покаялся, и не отступил от грехов своих, доколе не были пленены из земли своей и рассеяны по всей земле* (Сир. 48, 16). А Новый Завет Христов, Свет Божественной любви, к которому некогда так пылко стремился святой Илия, был отвергнут бывшими избранниками Божиими – израильтянами – и воссиял миру языческому, преобразив его.

За девятьсот лет до Рождества Христа Спасителя явился в мир святой пророк Илия. *В духе и силе Илии* подвизался Предтеча Господень Иоанн Креститель. Вместе с Сыном Божиим и пророком Моисеем явился святой Илия на горе Фавор перед апостолами в час Преображения Господня. «Беззаконных царей обличитель, отступивших от Бога людей наказатель, ложных пророков казнитель, дивный чудотворец,

великий угодник Божий до сих пор пребывает во плоти и имеет прийти на землю пред Вторым Пришествием Христовым» – так говорится в житии святого пророка.

Да, святому пророку Илии, не знавшему себе равных в пламенной ревности служения, Господь уготовал новый высочайший подвиг в последние времена. Святой Илия вновь явится врачевать гибнущих людей огненным лекарством своих обличений – явится посреди царства антихриста. Это о святом Илие и его собрате по духу, праведном Енохе, также взятом живым с земли на небо, предвозвещает Апокалипсис: *И дам двум свидетелям Моим, и они будут пророчествовать тысячу двести шестьдесят дней, будучи облечены во вретнице... огонь выйдет из уст их и пожрет врагов их... Они имеют власть затворить небо... и имеют власть над водами – превращать их в кровь, и поражать землю всякою язвою, когда только захотят. И когда кончат они свидетельство свое, зверь, выходящий из бездны, сразится с ними, и победит их, и убьет их, и трупы их оставит на улице великого города, который духовно называется Содом и Египет, где и Господь наш распят... И живущие на земле будут радоваться сему и веселиться... потому что два пророка сии мучили живущих на земле. Но после трех дней с половиною вошел в них дух жизни от Бога, и они оба стали на ноги свои; и великий страх напал на тех, которые смотрели на них. И услышали они с неба громкий голос, говоривший им: взойдите сюда. И они взошли на небо на облаке...*

(Откр. 11, 3–12).

Так случится перед самой кончиной мира, когда все человечество, кроме малого остатка верных, поклонится исчадию диавола, *зверю из бездны*: весь мир поклонится антихристу, как царю и богу. Тогда-то и понадобится огненная ревность и духовная мощь святого пророка Илии – он придет обличить антихриста, лукавейшего из *сынов погибели*, ложного мессию с его лживыми чудесами и фальшивыми знаменьями. Из блаженного Небесного Царства, где ныне пребывает в теле святой Илия, сойдет он в мир на новые труды и великие страдания – и с радостью воспримет пламенный боголюбец Илия этот крест нового земного жития, и к славе его в обителях Отчих прибавится венец мученичества.

Святой пророк Илия был первым из угодников Божиих, которого стали почитать на Руси. Во имя его еще при князе Аскольде, в начале IX века, был воздвигнут соборный храм в стольном Киеве. А святая равноапостольная княгиня Ольга поставила церковь во имя пророка Божия Илии на своей северорусской родине, в селе Выбуты. В честь великого ревнителя благочестия воспринял монашеское имя преподобный Илия Муромец, подвижник Киево-Печерский, чей образ, опоэтизированный в народном сознании, сделался олицетворением русского богатырства. Святой пророк Илия, подвизавшийся в древние времена в далекой Палестине, воспринимается православным русским народом как один из ближайших нашему Отечеству небожителей. Пылкой сла-

вянской душе, стремящейся к подвигу, близок святой Илия с его страстным боголюбием, огненной ревностью в вере и благочестии.

Грозен святой Илия, но и милостив к людям, чистым сердцем, простым и трудолюбивым. К предстательству пророка Илии издревле прибегали русские крестьяне, молящиеся об урожае, сложившие пословицу: на Ильин день и камень прорастает. Хлеб нового урожая сельчане несли в храм в день памяти святого Илии – и никто не смел насыщаться хлебными новинами, пока их не освятит священник. По молитвам «крестьянского ходатая», святого Илии пророка, был обилен и сладок мед на пасеках, особо душисто скошенное в канун Ильина дня сено.

Летописи Русской Православной Церкви хранят множество свидетельств и об иных чудесах и знамениях, явленных святым Илией в нашем Отечестве. Суровы эти чудеса Ильина дня, умножившиеся с распространением в России вольнодумства. Великий ревнитель о Боге, святой пророк Илия не терпит маловерия, легкомыслия и пустословия в отношении к святыне, не терпит кощунства и строго наказывает за подобные преступления. Одно из таких знамений было явлено в селе Ивановка Уфимского уезда в 1860 году. Тамошние крестьяне на Ильин день собрались вокруг костра, ели, пили и тешились пустословием. Один из них вздумал «пошутить» над святым пророком Илией: дескать, пусть пророк разъезжает на тучах, до нас ему дела нет. Тотчас к костру подле-

тел ворон, выхватил из огня горящую головню и скрылся с нею. Легкомысленные сельчане посмеялись над «Ильиной птицей, решившей поджарить себе ужин». Но смех сменился ужасом, когда шутники увидели поднявшийся в небо столб пламени – «птица святого Илии» подожгла унесенной головней стога сена. Это лишь один случай – со второй половины минувшего века вплоть до катастрофы 1917 года православные издания печатали известия о карах, низводимых святым пророком Илией на кощунников и богохульников, некоторые из них на Ильин день даже были поражены страшной смертью. Увы! Эти вразумления не подействовали на Россию, падавшую в пропасть безбожия.

А ныне – что представляет собой русский народ, после падения Византии принявший на себя славное и ответственное служение народа-богоносца? Не уподобилось ли обезбоженное Отечество наше древнему Израилю в царствование нечестивого Ахава? Повсюду мы видим новоявленных ваалов, астарта и молохов – выдуманных инопланетян и всяких экстрасенсов и гадалей, лжепророков и лжеучителей, а главное – культ золотого тельца. Появляются откровенные поклонники дьявола: так, рукою члена секты сатанистов в 1993 году был нанесен удар в духовное сердце России – были убиты иноки Оптиной пустыни, новомученики Василий, Трофим и Ферапонт. Были и иные факты нападений и убийств сатанистами своих жертв. И на всю эту бесовщину соблазненный и развращенный народ смотрит без содрогания, по-

грязая либо в языческом «веселье», либо в мертвенном унынии. За подобный грех Израиля святой пророк Илия некогда затворил над ним небеса, обрекая народ-богоотступник на лютый голод. И мы, по грехам своим заслуживающие такой же и даже еще худшей участи, еще осмеливаемся роптать на нынешние сравнительно легкие испытания.

Нет и не может быть в нашем Отечестве никакого изобилия даров земных, пока не вспомнит народ-отступник о Боге Истинном, не покается перед Небесным Отцом, но обратится ко Христу Спасителю. Если же этого не произойдет, то незачем удивляться множасьимся бедам, – нужно слезно молить Господа Человеколюбца об умягчении каменных сердец повсюду в России, да не постигнет ее та страшная пора, когда *небеса, которые над головою... сделаются медью, и земля под нами железом* (Втор. 28, 23).

Возлюбленные о Господе братья и сестры!

Святой пророк Илия за пламенное свое боголюбие был наделен свыше властью над стихиями, в одиночку противостоял сонмам нечестивцев – и побеждал. Такою же и еще большей может явиться сила веры и любви христианской. Этого-то дара, спасительного для каждого из нас и для всего народа нашего, мы не имеем, ибо увязли в греховной нечистоте, духовном расслаблении, тлетворном маловерии.

Многие, очень многие пытаются извинить свою теплохладность в вере, а то и вовсе уклонение от пути Святого Православия, говоря: «Чем мы виноваты? Мы росли в ате-

истическом обществе, нас этому не учили». Но вот святой пророк Илия среди всеобщего нечестия смог стяжать величайшее боголюбие, в ветхозаветных потемках сумел узреть Свет Истинного Бога. А мы живем в мире, уже освещенном Солнцем Правды – Господом Иисусом, и если и ныне останемся духовно слепыми, то только потому, что упрямо топим души свои в житейской грязи.

Грозный мститель за правду Божию, святой пророк Илия может явиться и могучим помощником – но лишь для тех, кто, подобно ему, чист сердцем и воспламенен ревностью по Богу. Да возгорится и в нас этот очистительный живоносный огонь, дабы великий угодник Господень, предтеча Второго Пришествия Христова услышал нас, взывающих:

«Пророче и провидче великих дел Бога нашего, Илие великоимените, вещанием твоим уставивый водоточныя облаки, моли о нас Единого Человеколюбца».

Аминь.

Слово на Собор Смоленских святых (память в неделю перед 28 июля / 10 августа)

*Соборе святых земли Смоленския, водами
священнаго Днепра омовенныя, святители,
преподобнии, страстотерпцы и благовернии,
апостольскую веру соблюдиши, се ныне, Святей
Троице с Богородицею и лики Безплотных
предстояще, водами благочестия землю Русскую
напаяете.*

Тропарь Собору Смоленских святых

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Дорогие во Христе отцы, братья и сестры!

Сегодня мы восхваляем Собор Смоленских святых, то есть празднуем память всех святых, просиявших своими подвигами во славу Христову в старинном русском городе Смоленске и во всей Смоленской епархии. Праздник этот

был установлен Церковью сравнительно недавно – в 1983 году, но включенные в Собор святые угодники уже давно почитаются всеми православными христианами мира. Это люди всех возрастов, занятий и сословий: *святители* Игнатий Смоленский († 1210), Михаил Смоленский († 1402), Антоний Вологодский († 1588), Питирим Тамбовский († 1698), Симеон Смоленский († 1699), Николай Японский († 1912); *преподобные* Ефрем Новоторжский († 1053), Аркадий Вяземский и Новоторжский († 1077), Прохор Печерский († 1107), Авраамий Смоленский († до 1224), Ефрем Смоленский († после 1238), Меркурий Смоленский († 1239), Симон Радонежский († до 1392), Герасим Болдинский († 1554), Аркадий Дорогобужский († XVI), Макарий Алтайский († 1847); *благовыерные князья* Глеб Муромский († 1015), Ростислав Киевский и Смоленский († 1167), Михаил Ярославский († 1290), Феодор Черный († 1299), Константин Ярославский († до 1321), Давид Ярославский († 1321), Андрей Смоленский († после 1390), Глеб Смоленский († конец XIV – начало XV вв.); *мученики* Меркурий Смоленский († 1239), Иулиания Вяземская († 1406), Симеон Вяземский († 1406), Макарий Вяземский († 1918), Серафим Смоленский († 1937), Владимир Преображенский († 1937). И все они – мужчины и женщины, священнослужители и миряне, монахи и люди семейные – независимо от времени и обстоятельств жизни дают нам замечательные примеры святости.

Говоря о святых Смоленской земли, нельзя не вспомнить

об одном из ее выдающихся правителей – благоверном князе Ростиславе Мстиславиче (1107–1167). Его жизнь – замечательный пример православного правителя, радеющего прежде всего не о собственной славе, богатстве и власти, но о благе родной земли в соответствии с христианскими заповедями.

Святой Ростислав был первым самостоятельным смоленским князем – до него город находился в полном подчинении у Киева, но при Ростиславе сильно развился, окреп и стал центром самостоятельного княжения. Святой князь по праву остался в народной и исторической памяти как «устроитель» Смоленской земли. Все его недюжинные государственные таланты и энергия были направлены на то, чтобы должным образом упорядочить и улучшить жизнь своих подданных – и не только в материальном, но и в духовном смысле. Помимо собственно административных реформ, направленных на укрепление Смоленска: объединение политически разрозненных смолян в единую общность, более справедливое распределение налогов между различными смоленскими поселениями, – святой князь заботился и о народном просвещении. Его трудами было собрано и переписано множество книг, во многих городах и селениях Смоленщины возникли обширные книгохранилища.

Князь Ростислав не стремился сделать княжескую власть в Смоленске абсолютной – напротив, он всячески поддерживал традиционные вечевые права народа. Имея возмож-

ность ограничить права незнатного населения, как это было во многих других русских княжествах, Ростислав, напротив, во всех своих действиях опирался на народную поддержку; «земля» (то есть народная масса) при нем принимала самое деятельное участие во всех общественных и политических делах Смоленска. Так, например, для перерасчета и перераспределения налогов было созвано вече, в котором приняли участие представители всех городов и селений Смоленщины.

В те годы между русскими князьями шла жестокая борьба за наследство Владимира Мономаха (1053–1125) – великий Киевский стол. Ростислав Мстиславич не мог оставаться вовсе в стороне от этой борьбы, так как и сам был внуком Мономаха, – но участвовал в ней лишь постольку, поскольку этого требовала справедливость, то есть поддерживал того правителя, кто имел на Киев наибольшие права. Когда же на Киевский стол позвали его самого, он удерживал это высокое положение недолго и вскоре во избежание распри уступил столицу своему дяде Юрию Долгорукому (1099–1157), намеревавшемуся захватить власть силой и уже двигавшемуся на Киев с полками через Смоленск. Этот поступок немало возмутил сторонников Ростислава, готовых было поддержать его в борьбе за престол. Однако дело здесь было не в малодушии, а в том, что благочестивый князь превыше всего ставил не власть, но спокойствие родной земли, благополучие подданных. Он не хотел междоусобиц и кровопролития. В конце концов, какая разница, кто именно восседает

на великом столе, – был бы только этот человек достойным правителем, а Юрий Долгорукий свои государственные способности доказал не единожды.

На князе Ростиславе в полной мере исполнились слова Спасителя: *Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится* (Лк. 18, 11). Властолюбивый Юрий вскоре после занятия Киевского стола скончался, а наследовавший ему Изяслав через несколько лет был свергнут. На великий стол был вновь призван Ростислав Мстиславич.

Правление Ростислава в Киеве стало для Великого княжества эпохой спокойствия, особенно в сравнении с предыдущими годами. Ростислав защищал Киев от внешних врагов – половцев, внимательно следил за внутренним порядком в княжестве, не участвовал ни в каких усобицах и тем более сам не плел интриг. Если же какие-то столкновения между младшими князьями или боярами все же возникали, Ростислав всегда старался примирить враждующих. Удивительно ли, что такой князь пользовался всеобщей любовью и уважением? И эту любовь народ всячески старался проявить: так, например, в 1167 году, когда князь Ростислав направлялся в Новгород по делам государственным и должен был по пути туда проехать через Смоленск, едва ли не весь город, услышав о приближении любимого князя, вышел встречать его.

Помимо государственных талантов, благоверный Ростислав отличался и большим благочестием. К Церкви он относился как верный сын, понимая, что его высокое княжеское

положение не дает ему каких-то особых привилегий в среде братьев и сестер во Христе. Не пытался он, в отличие от многих других князей, и навязывать свою волю священноначалию. Так, например, князь Ростислав очень хотел, чтобы после кончины митрополита Киевского – грека Феодора – новым митрополитом был избран русский клирик, и даже подобрал достойного кандидата. Но Патриарх Константинопольский (а именно Константинопольская Церковь тогда была для Русской митрополии главенствующей) не благословил это избрание и вновь прислал на Киевскую кафедру митрополита-грека. Благоверный же Ростислав из христианского смирения и послушания Церкви, а также из нежелания вызвать раскол не стал противиться решению Патриарха и принял нового архипастыря как своего духовного отца и главу всех христиан Руси.

Как ценен и поучителен этот пример святого князя в наше время, когда – увы! – «овцы» зачастую начинают «пасти пастырей» и вместо братской любви учинять в Церкви разброд и шатание по куда менее значительным поводам...

Я не хочу, конечно, сказать, что мы, пастыри, всегда и во всем непогрешимы. Священнослужители – такие же люди, как и миряне, им так же свойственно грешить, заблуждаться, ошибаться. Но в любом случае все проблемы нужно решать в духе Христовой любви, а не «революционных выступлений», которые, устранив одну проблему, породят десять других, гораздо худших. *Младшие, повинуйтесь пастырям;*

все же, подчиняясь друг другу, облекитесь смиренномудрием, потому что Бог гордым противится, а смиренным дает благодать (1 Пет. 5, 5), – говорит нам Господь устами Своих апостолов. Необходимо помнить, что глава Церкви – Сам Христос, и именно Ему, а не нам – какими бы правыми и праведными мы себе ни казались – принадлежит здесь последнее слово. *Итак, смиритесь под крепкую руку Божию, да вознесет вас в свое время. Все заботы ваши возложите на Него, ибо Он печется о вас... И когда явится Пастыреначальник, вы получите неувядающий венец славы* (1 Пет. 5, 4–7). Эти Богодухновенные слова в полной мере подтвердились в житии еще одного смоленского святого – преподобного Авраамия.

Преподобный Авраамий (1172–1221), единственный сын и наследник богатых родителей, с ранних лет стремился посвятить себя Богу. После смерти родителей он раздал все свое немалое наследство бедным, а сам принял постриг в Богородичном монастыре под Смоленском. Здесь он провел тридцать долгих лет в непрестанных трудах, послушании, посте и молитве, прилежно изучая Священное Писание и составляя душеполезные проповеди в назидание народу Божию. Видя многочисленные добродетели и таланты преподобного, игумен благословил его принять священный сан и стать духовником обители, хотя сам Авраамий не считал себя достойным столь великого дела. Однако благословения игумена он не ослушался и принялся ревностно исполнять

новое послушание: ежедневно служил Божественную литургию, проповедовал, принимал исповедь. В обитель отовсюду стекался народ, привлекаемый как проповедническим даром преподобного Авраамия, так и его строгой подвижнической жизнью и духовной мудростью.

Казалось бы, такого праведного и талантливое священноинюка в обители должны были любить, ценить и уважать. Собственно, так оно и было для большинства братии – но, увы, злоба и зависть проникают всюду, а на праведников особенно сильно ополчается диавол... Тот же игумен, что некогда сам убедил Авраамия принять сан, теперь позавидовал его авторитету среди монашества и мирян. Он запретил Авраамию проповедовать, а затем и вовсе изгнал его из обители. Преподобному пришлось переселиться в Смоленский монастырь Святого Креста, где он продолжил свою пастырскую деятельность. Но теперь завистники нашлись среди городского духовенства; они оклеветали Авраамия перед епископом Смоленским Игнатием, называя преподобного еретиком, колдуном и лжепророком.

Увы, святитель Игнатий, сам человек святой жизни (впоследствии он также был прославлен Церковью и причислен к Собору Смоленских угодников), на этот раз поверил клеветникам... Он запретил преподобному Авраамию в служении и повелел ему удалиться из города назад, в Богородский монастырь. Какой яркий пример того, что и святые, как люди, в своей земной жизни могут иногда ошибаться, – не говоря

уже о нас, грешных...

Что же сделал преподобный Авраамий? Может быть, он открыто воспротивился неправедному суду епископа, отложился от него, поднял мятеж в Церкви, создал какую-нибудь «истинно православную церковь» или просто какую-нибудь внутрицерковную оппозицию из своих сторонников? У него были все возможности сделать это: за ним пошел бы едва ли не весь православный Смоленск. Но преподобный Авраамий был по-христиански мудрым и смиренным. Понимая, в какие церковные нестроения и раздоры выльется его протест, он смиренно принял несправедливое и тяжкое наказание и удалился в свою обитель.

И тогда за смиренного Авраамия вступился Сам Господь. В городе начались засуха и болезни. Смоляне во главе со своим епископом усердно молили Бога о помощи, но Он, казалось, не слышал их молитв... Тогда святитель Игнатий, вспомнив о преподобном Авраамии, подумал, что, возможно, осудил невинного. Он пересмотрел дело опального иеромонаха и убедился в том, что Авраамий был оклеветан, а сам он поступил опрометчиво и несправедливо. Святитель смиренно испросил прощения у преподобного, признал перед всеми свою вину и снял с Авраамия все обвинения и запрет в священнослужении. После первого же молебна, отслуженного преподобным, бедствия чудесным образом прекратились. А Авраамий и Игнатий с этих пор стали близкими духовными друзьями. Так смирение и христианская любовь, соеди-

ненные с готовностью пожертвовать ради блага братьев собственным благом и добрым именем, восторжествовали над злом и неправдой.

Такую же несокрушимую готовность пожертвовать всем ради братьев находим мы и в житии другого святого Смоленского Собора – мученика Меркурия († 1239).

Святой Меркурий, родом из Моравии (Чехии), был православным христианином и служил в войске смоленского князя. Несмотря на многочисленные обязанности княжеского воина, которые Меркурий выполнял с честью, он, тем не менее, одновременно вел и жизнь подвижническую: упражнялся в молитве и посте, нередко проводя целые ночи в молитве. Его сокровенным желанием было отдать жизнь за Христа и ближних, но, конечно, он не собирался искать этого самовольно. Сам будучи воином, Меркурий прекрасно понимал, что значит быть воином Христовым и какие опасности могут подстергать самонадеянного солдата не только в земной, но и в духовной брани: ведь самовольное мученичество не что иное, как гордость, оно не увенчивается, и было немало случаев, когда такие самонадеянные христиане, не будучи призваны Господом к мученичеству и не рассчитав своих слабых сил, во время мучений отрекались от Христа... Лишь один Сердцеведец Господь знает точно, чей дух достаточно силен для того, чтобы стяжать мученический венец.

И все же желанию Меркурия суждено было Господом сбыться. Это было страшное для Руси время: на Русскую

землю двигались с Востока полчища монгольского хана Батая, разрушавшие и сжигавшие все на своем пути. В 1239 году войско Батая подошло и к Смоленску и встало в двадцати пяти верстах от него, на Долгомостье, угрожая городу и его святыням полным разорением. У смолян же не хватало сил противостоять огромной монгольской орде – и они уже готовились к смерти...

В это время в соборном храме города перед иконой Пресвятой Богородицы молился некий пономарь, прося об избавлении города от врагов. Вдруг пономарь услышал голос Самой Пречистой Девы, повелевавший ему разыскать в княжеской дружине воина по имени Меркурий и передать ему такие слова: «Меркурий! Иди к брани военной, Владычица зовет тебя!»

Надо ли говорить, как возликовал Меркурий, услышав от нашедшего его пономаря эти слова? Он не думал о том, что сам может погибнуть, точнее сказать, не боялся этого – главным для него было выполнить волю Божию и помочь своим братьям и сестрам во Христе.

Той же ночью Меркурий отправился на Долгомостье и один вызвал на бой все монгольское войско. Вероятно, монголы решили сперва, что перед ними сумасшедший, и думали легко расправиться с ним. Но Меркурий, укрепляемый Богом, начал разить врагов направо и налево, а сам был словно неуязвим для стрел и мечей. Тогда испуганные монголы, решив, что им явилось «божество войны», обратились в бег-

ство и уже не возвратились к Смоленску. Город был спасен от разорения. Сам же Меркурий остался лежать бездыханным на поле брани – одна из стрел врагов все же сразила его... Он отдал свою жизнь за ближних по воле Господа, как и желал.

Удивительно ли, что, имея таких людей своими духовными предками, православные христиане Смоленщины и в более близкое к нам время не утратили этой готовности отдать все ради Бога и ближних? Замечательный пример тому – житие священномученика Серафима (Остроумова), архиепископа Смоленского, пострадавшего за веру Христову от безбожных властей в 1937 году.

Будущий святитель Серафим принял монашество сразу после окончания Московской Духовной академии в 1904 году и уже тогда, будучи еще совсем молодым человеком, проявил необычайное христианское смирение и духовную мудрость. Иеромонаха Серафима, как одного из лучших выпускников, его бывшие учителя весьма желали видеть своим коллегой и сразу же по окончании курса предложили ему место преподавателя Академии. Серафим и сам хотел бы заниматься научной работой и преподаванием; но он не забывал и о том, что монашество – это не просто формальность «на пути к архиерейскому званию» (как, увы, и в те времена, и сегодня воспринимают это высокое и трудное призвание многие неразумные юноши). Прежде чем приступить к преподавательской деятельности, Серафим хотел хотя бы немного пожить полноценной монашеской жизнью в обите-

ли, рядом с опытными монахами, подготовить свою душу, а заодно и испытать себя – готов ли он к тому, чтобы воспитывать следующее поколение клириков и богословов? Ведь в условиях монашеского общежития многие скрытые страсти, дотоле дремавшие в душе человека, проявляются с необычайной ясностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.